

Эмир Кустурица Эмир Кустурица. Где мое место в этой истории? Автобиография

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5807022

Эмир Кустурица. Где мое место в этой истории? Автобиография: РИПОЛ классик; М.; 2012

ISBN 978-5-386-03970-7

Аннотация

Автобиография Эмира Кустурицы – это откровенный и колоритный рассказ режиссера о самом себе.

Кустурица словно пишет сценарий для фильма, в котором сам играет главную роль. Вот история о «Титанике», который был спасен ценой сломанной руки. Вот рассказ о первой встрече с женщиной. А вот – единственная фраза, которую он должен был сказать, получив первую крошечную роль в кино. А еще история о том, как будущий режиссер Кустурица несколько раз пытался посмотреть знаменитый «Амаркорд» Феллини и, к стыду своему, каждый раз засыпал на первых кадрах. Рассказ о дружбе с Джонни Дэлпом, о своих фильмах и рок-группе, о войне, навсегда изменившей родное Сараево, о друзьях и случайных знакомых, о жизни и смерти, о ненависти и любви...

Автобиография Эмира Кустурицы – книга о том, что до сих пор всегда оставалось за кадром.

Содержание

ЗЕМЛЯ И СЛЕЗЫ	7
КАК Я ВПЕРВЫЕ НЕ УВИДЕЛ ТИТО	17
СМЕРТЬ – ЭТО НЕПРОВЕРЕННЫЙ СЛУХ	31
ТО, ЧТО НАВЕРХУ, – ВНИЗУ. ТО, ЧТО ВНИЗУ, – НАВЕРХУ	40
МЫШЬ ДЕЛАЕТ КРУГ ПОЧЕТА	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Эмир Кустурица

Эмир Кустурица. Где мое место в этой истории? Автобиография

Человек склонен все забывать, и человеческий род со временем превратил это умение в настоящее искусство. Если бы волшебное забвение не приглушало мысли, томящиеся в плену страстей, позволяя рассудку привести их в надлежащий порядок, наш мозг представлял бы собой обычный контейнер. Разве без умения забывать мы могли бы достойно встретить завтрашний день? Что стало бы с нами, если бы нашей душе пришлось непрерывно переживать страдания, если бы забвение не скрывало трагедии нашей жизни подобно тому, как туча скрывает солнце? Выжить было бы невозможно. То же самое с острой радостью. Если бы забвение не усыпляло ее, она бы в итоге свела нас с ума. Умение забывать смягчает боль от потерянной любви. Когда наш соперник дает нам оплеуху на перемене в школьном дворе и таким образом завоевывает симпатию девочки, в которую мы оба влюблены, лишь забвение может вылечить нас от безвозвратной любовной утраты. Рана зарубцовывается подобно тому, как со временем на фотографии стирается глянец.

• • • • •

Как человек воспринимает масштабные кризисы истории? Как он их переживает? И до них, и после балом правит забвение. Наблюдая, как быстро народу удается забыть причины великих исторических потрясений и с какой легкостью он принимает на веру разработанную позже версию, я был вынужден исключить забвение из естественных человеческих свойств. После боснийской войны все дружно принялись превозносить религиозных националистов, словно они были главными защитниками многонациональной Боснии, тем самым потворствуя военным и стратегическим целям великих держав, тогда как жертвы всех конфликтующих сторон были признаны ничтожными, за исключением тех, что служили этим самым целям. И тогда я пришел к следующему выводу: забвение – это вентиль, открыв который сливают неудобные мысли о прошлом, а также о будущем. Так было всегда, поскольку в основных составляющих человеческой жизни мало что меняется.

• • • • •

После бедствий, принесенных балканскими войнами, после бомбардировок Сербии я тоже стал учиться забывать или, по крайней мере, подавлять мысли, не дававшие мне покоя. Я как раз только начал упражняться в этом нелегком умении, когда мне нанес визит один кинокритик, который в 1990-е годы делал погоду в Голливуде. Он внезапно напомнил мне, что причиной забвения может быть простая неосведомленность. Когда Джонатан во время кинофестиваля в Кустендорфе включил телевизор, чтобы посмотреть русскую программу на английском языке, он испытал глубокое потрясение. В это время показывали документальный фильм, посвященный очередной годовщине победы над фашизмом. Вздвигнутый Джонатан пришел ко мне и сказал:

– Я всегда был уверен, что это мы, американцы, освободили Европу от фашизма. Но судя по тому, что я увидел по телевидению русских, без них не было бы никакого освобождения?

– Да уж, русские немного потеряли в этой войне с нацизмом, всего каких-то двадцать пять миллионов человеческих жизней. Сущия безделица!

Фальшиво-непринужденным тоном я пытался донести до своего друга историческую правду, избегая при этом подливать масла в огонь.

Я опасался, как бы мой высокий гость не оскорбился, решив, что я потешаюсь над его невежеством. Было очевидно, что эти пробелы являются следствием дезинформации, но, поскольку он уже привык жить с таким представлением, исправлять что-либо было бессмысленно. Если он попытается выбраться из этой пропасти, то может начать сомневаться во всем подряд, возможно, даже в подлинности кока-колы, гамбургеров и Голливуда.

– Забудь правду, которую ты только что услышал. Если ты примешь этот факт, тебе придется отправить в починку все твои мысли и знания, а это – прямая дорога к умственному расстройству. Продолжай жить с идеями, к которым привык, – дружески посоветовал ему я.

Он посмотрел на меня с непонимающим видом, но широко улыбнулся и кивнул.

• • • •

Все-таки хорошо, что я пишу эту книгу, поразмыслив, подумал я. По крайней мере, останется документальное подтверждение моей жизни. А то может произойти как у русских с их борьбой с фашизмом: в будущем кто-нибудь станет говорить обо мне как о булочнике или каком-нибудь токаре.

• • • •

Мой голливудский друг направил мои размышления о вечном характере забвения в более глубокое русло. Я удивился, как, к примеру, раньше мы не замечали, что наш каймак¹ – это творение времени, поскольку плесень существовала задолго до каймака. В нашем желании пролить свет на эту тайну важно понять, почему войны обычно происходят после крупных кризисов и почему люди делают важные открытия лишь после таких страшных потрясений. Почему антибиотик не использовали до Второй мировой войны? Ведь он тоже скрывался в плесени. Сокровенная формула оставалась пленницей забвения. Память, приходящая забвения, не открыла свои двери, чтобы пропустить таинственный состав по своим лабиринтам и предоставить его в распоряжение рассудку.

• • • •

Кризисы и войны изменились, и со временем умение забывать стало формой утешения. Иначе как бы человек смог свыкнуться с порочными идеями современного мира? Как он смог бы, к примеру, согласиться участвовать в войне во имя гуманизма? Когда вы принадлежите к маленькому народу, который отказывается покорно следовать идеям великих держав и в самый разгар передела мира настойчиво задается вопросом «Где наше место в этой истории?», великие державы забрасывают вас бомбами, которые называют «ангелами милосердия»². После подобных событий забвение играет решающую роль в процессе адаптации. Чем быстрее вы забудете нанесенные травмы, чем быстрее заново сформулируете злополучный вопрос в первом лице единственного числа: «Где мое место в этой истории?», тем скорее вы сможете двигаться дальше. То же самое в личной жизни: чем быстрее ты забудешь оплеуху, полученную на перемене, тем скорее сможешь заново влюбиться. Но в

¹ Густые уварные сливки, снятые с кипящего молока и слегка закишенные.

² Такое название в НАТО дали бомбардировкам Сербии весной 1999 г.

забвении все же содержится некая доля памяти, существенная составная часть, на которую опирается история. И не только в случае со сломанным в драке носом.

• • • •

Когда я был тинейджером, подростки с больших площадей Нью-Йорка, Лондона и Парижа стояли в очереди, чтобы купить новые диски «Битлз», Брюса Спрингстина, Боба Дилана. В наши дни молодежь выстраивается в очередь за I-phone 4. В этой ситуации тоже приходит на помощь забвение. Дилана засовывают в дальний ящик и со спокойной душой живут в мире, где вещи, ставшие центром притяжения, заменили наших любимых героев, воспевавших любовь и свободу и боровшихся с несправедливостью. То же самое забвение заставляет нас принять элементарные принципы научных знаний, которые в итоге похоронят нашу древнюю культуру в подвалах музеев. Разумеется, изобретатели I-phone не предполагали, что их игрушка подтолкнет людей к забвению, но случилось именно так. И в залах ожидания, где царствует это забвение, всегда найдется свободное место, куда можно задвинуть героев, унесенных временем.

• • • •

Я отношусь к тем, кто считает забвение фактором выживания, но я отказываюсь следовать сегодняшним тенденциям. В наши дни толпы людей похожи на кур с птицефабрики, память которых ограничивается последним приемом пищи. Забвение даже использовали для того, чтобы разработать теорию конца света, которая захлестнула мир в девяностых годах прошлого века. Проповедники либерального капитализма предложили нам отречься от нашей культуры и нашей личности, чтобы броситься в водоворот технологической революции, призванной направить наши судьбы в строго определенное русло и регулировать наши жизненные процессы. Это высокомерное заявление разбудило во мне желание возобновить мои связи с памятью, а также свести счеты с забвением.

• • • •

Я хочу написать книгу и навести порядок в моих мозговых извилинах, по которым бродит множество воспоминаний. С помощью ангелов-писарей, научивших меня думать и говорить, я хочу извлечь из этого нагромождения мыслей то, что может исчезнуть навсегда, как солнце за тучами. Будет неправильно, если все, что когда-то волновало мою душу, станет недоступным после моего ухода в вечность, в то время как кто-нибудь из моих любопытных потомков будет пытаться установить со мной связь, чтобы раскрыть важную тайну своего происхождения.

• • • •

Я хочу избежать любых недоразумений. А также избежать судьбы телефонного абонента, которому тщетно пытаются дозвониться родственники и друзья, не зная, что его больше нет в мире живых, и после бесчисленного количества звонков слышат в трубке лишь женский голос, равнодушно повторяющий: «Вызываемый абонент временно недоступен».

ЗЕМЛЯ И СЛЕЗЫ

В 1961 году Юрий Гагарин полетел в космос, а я отправился в школу. Полет первого человека в космическое пространство готовился заранее, за Гагариным стояла целая команда экспертов. Подготовка моего похода в школу легла на плечи моей матери, поскольку отец уехал по делам в Белград. Моя мать Сенка зажгла плиту, нагрела воды и посадила меня в таз. Пока она терла мне спину кухонным куском мыла, я услышал, как она плачет.

– Почему ты плачешь, Сенка? Это же мне идти завтра в школу, а не тебе.

– Я не плачу, сынок, – ответила она, вытирая слезы, – но я расстроена. С завтрашнего дня начинается новая жизнь.

Я не понимал, почему мать плачет, но по поводу новой жизни ситуация прояснилась на следующее утро.

• • • •

Я шел к школе, не сводя глаз с каменных ступенек³, которые, казалось, плавали в воде. Это напоминало интермеццо сараевского телевидения в постановке Жана Берана на музыку Комадины. Я больше ощущал себя аквалангистом, чем ребенком, идущим в первый раз в школу. Я знал, что выгляжу смешно. Слишком длинные рукава моей блузы из черного сатина не давали мне покоя. Я безуспешно пытался подвернуть их, но скользкая ткань упорно возвращала их в исходное положение. Несмотря на то что здание школы располагалось всего в трехстах метрах от нашей полуторакомнатной квартиры, путь занял целую вечность. Я подумал, что Гагарин, наверное, долетел до космоса быстрее, чем я добрался до начальной школы «Хасан Кикич».

• • • •

Мы ждали во дворе начала нашего первого урока, когда какой-то большеголовый парень с рыжими волосами предупредил новых учеников об опасности нападения местных хулиганов. Он прославился тем, что остался на третий год в девятом классе. Его дальнейшее продвижение застопорило слово «разница». Когда учитель задал ему вопрос «Какая разница между курицей и коровой?», он ответил: «Я знаю, что такое курица и что такое корова, но не знаю, что такое „разница“».

Стремление этого тупицы защитить учеников мне понравилось, но я никак не мог понять, почему мы должны были отдавать ему за это наш полдник.

Рыжий протянул руку, ожидая, что я положу в нее деньги, предназначенные для покупки рогалика.

– Эй ты, здоровенная башка! Ты что, идиот?

– Кто – я? – спросил я, действительно чувствуя себя идиотом.

– Видели его башку? Понадобятся все летние каникулы, чтобы ее обойти!

Все ученики засмеялись. Тогда я толкнул рыжего в кучу извести, которую рабочие приготовили для ремонта фасада школы, и бросился внутрь здания. Дрожа от страха, что в любую минуту рядом может возникнуть его большая голова, я не знал, куда податься, когда

³ В Сараеве, в Старом городе, по краям улиц с крутым склоном установлены каменные лестницы, чтобы было удобнее подниматься.

услышал голос девочки, и мой ужас тут же превратился в легкое опасение. И все стало напоминать волшебную сказку.

– Мой папа – полковник военной контрразведки Югославии.

От своего отца я знал, что такое разведка, мне также было известно значение слова «военный», но я не понимал смысла «контрразведки». Я был идиотом, как тот маленький тиран, жертвой которого мог стать с минуты на минуту.

– Мой отец присматривал за собакой Тито⁴, до того как его перевели в Сараево.

– А сколько у Тито собак?

– Не знаю, папа никогда не рассказывает о своей работе. Сегодня он будет ждать меня возле школы. Я видела, что случилось, ты в опасности. Если хочешь, можешь пойти домой вместе с нами.

• • • •

Меня наполнило новое чувство, похожее на то, что я ощутил утром, когда мать включила свет, чтобы разбудить меня. Мне еще хотелось спать, но я сумел превратить свой сонный взгляд в улыбающийся. Я очень быстро понял, насколько важно уметь правильно просыпаться. Я имею в виду, что лучше все же просыпаться, чем не просыпаться вовсе. И эта Снежана была похожа на мое утреннее пробуждение. Ощущение, которое вызывало во мне ее присутствие, было гораздо сильнее, чем страх снова увидеть рыжего.

• • • •

Когда я стоял в очереди за рогаликами, ученики сзади меня выражали свое недовольство. Они шипели от нетерпения, но я слышал лишь, как бьется мое сердце. Я видел перед собой два темных глаза и длинные светлые волосы. У Снежаны были такие же золотистые волосы, как у ее матери-словенки, которая быстро передвигалась по извилистым улочкам квартала Горица. Именно она являлась объектом вдохновения для старших ребят в их любовных теориях.

– Женщины, которые быстро ходят, в постели лучше, чем медлительные!

– Полная чушь: женщины, неторопливые в жизни, в постели гораздо шустрее!

– Как будто скорость – это главное! Качество, техника – вот что важно, братишка! – отрезал третий выразитель мнения лоботрясов Горицы.

Споры раскалялись донельзя, и часто оппонентам по вопросам секса с трудом удавалось избежать драки. Я понял, что правоту той или иной теории доказать практически невозможно. Мне было невдомек, почему кто-то должен быть шустрым в постели и неторопливым на улице или наоборот. В воображении возникал тигр, медленно подкрадывающийся к своей жертве, чтобы сначала оглушить ее лапой, а потом сожрать. Но в данном случае речь шла не о еде. Казалось, я принял сторону тех, кто предпочитает медленную походку вне постели. Но это было не так.

Слово «секс» звучало как название бисквита «кекс», его было легко запомнить, но смысл от меня ускользал. Ребята пускали слюни, глядя на мать Снежаны, и свистели ей вслед, но боялись ее мужа. Когда этот черногорский офицер двухметрового роста возвращался с работы, хулиганы растворялись в пространстве, спрятавшись в подъездах домов. Казалось, он сошел прямо с экрана, из телевизионных новостей, где проводил смотр полка, ожидая с минуты на минуту прибытия в аэропорт товарища Тито. Когда я смотрел, как он

⁴ Броз Тито, Иосип (1892–1980) – лидер Югославии с конца Второй мировой войны до своей смерти, маршал (1943), президент страны с 1953 г. – *Примеч. пер.*

прокладывает себе путь среди простыней, висящих на веревках между нашим домом и акацией в глубине двора, мне казалось, что стоит ему чихнуть – и все листья разом упадут с деревьев и преждевременно наступит осень. Настолько папа Снежаны был сильным.

• • • •

Постепенно мои походы из дома в школу стали более быстрыми, чем полет Гагарина в космос. Я стрелой взлетал по склону вверх и от нетерпения отбивал чечетку, ожидая звука колокола, предвещающего появление Снежаны. Мое представление о времени носило неустойчивый характер: дорогу к школе можно было сравнить со скоростью Гагарина, но возвращение домой больше походило на замедленную съемку. Отец Снежаны держал меня за руку. Его брови напоминали жестяные навесы на фасадах бедных домов квартала Горица. Чтобы скрыть свою робость, я отмеривал наш путь по улицам, считая свои шаги. Таким способом мне удавалось не встречаться взглядом с отцом Снежаны. Когда я поднимал голову, мне казалось, что он разговаривает со мной с крыши небоскреба *JAT*⁵ на улице Васе Мискина, настолько он был высоким.

– Никто не имеет права обижать тебя, малыш! – говорил он мне, а я молча улыбался, мечтая о том, чтобы дорога домой заняла больше времени, чем полет Гагарина.

• • • •

Снежана училась в 1 «Д», на третьем этаже, так что я мог видеть ее только на большой перемене. В маленьких перерывах учительница не выпускала нас в коридор. Я компенсировал отсутствие Снежаны долгими мечтами по ночам, когда мне не удавалось заснуть, и при одной мысли о ней мое сердце начинало биться быстрее.

• • • •

Моя мать, обеспокоенная тем, что *учеба* не вызывает во мне никакого интереса, регулярно отправлялась на родительские собрания. Чтобы ей не было стыдно перед другими матерями, учительница оставляла беседу с ней на самый конец.

– Я не знаю, что вам сказать, товарищ Сенка, – говорила Ремац Славица. – Если бы он был идиотом, мне было бы легче. Но в данном случае нужно как-то пробудить его интерес.

– Я тоже не знаю, что делать. Одной мне не справиться. А его отец слишком импульсивен, чтобы я ему об этом говорила. Он испортил себе нервы у партизан. Лучше мне молчать.

• • • •

Иногда отец продлевал свои деловые поездки и возвращался домой позже, чем было предусмотрено. После этого ему приходилось снова адаптироваться к реалиям семейной жизни. Именно в это время Сенка сообщала ему все важные новости, включая то, что я был далеко не лучшим учеником в классе.

– Он исправится, у него вся жизнь впереди, – отвечал отец, прежде чем погрузиться в сон, пытаясь наверстать бессонные ночи.

⁵ *Југословенски Аеро Транспорт (ЈАТ)* – югославская государственная авиакомпания.

• • • •

Для меня в школе многое было непонятным. Например, для чего был нужен урок труда. До того самого дня, пока учительница не объявила:

– Дети, вы можете мастерить все, что вам захочется! На любую тему.

И тогда я решил сделать трансатлантический корабль «Титаник», который видел в фильме с одноименным названием. Фильм, отнесенный к жанру драматической комедии, стал для меня настоящей трагедией.

Когда я уютно устраивался в скрипящем кресле кинозала Дома культуры полиции, мать показывала на свои часы, шепотом предупреждая, что придет за мной за пять минут до окончания киносеанса. В главном зале демонстрировали приключенческие, а также исторические фильмы. Однажды показали «Диктатора» Чарли Чаплина, а вместо новостей – короткую комедию «Шарло потерялся в революции». Пока я смотрел фильмы, Сенка отправлялась проводить своих родителей, которые жили в большом доме номер два по улице Мустафы Голубича, чтобы помочь им по хозяйству. От Дома культуры полиции этот дом отделяли двор, заросший сорной травой и крапивой, и фонтан, где никогда не было воды. Мать моей мамы звали Ханифой, у нее был рак нёба, а дедушка Хакия не любил, когда его дочь уделяла столько внимания вопросам гигиены.

– Тебе бы, дочка, – говорил он ей, – лучше развлечься и сходить в кино, чем надрываться здесь. У тебя что, дома работы мало?!

В то время как она скребла пол на кухне, он неподвижно смотрел на таз с водой и ворчал:

– Другие занимаются сексом, а ты, Хакия, киснешь в ванной!

Никто не понимал, что он имеет в виду, но это было прелюдией к рассказу о его приключениях. Маму моей мамы мы все называли Матерью, а не бабушкой, как другие. Пока дочь мыла и расчесывала волосы больной матери, отец начинал рассказывать свою любимую историю. Речь шла о похищении, реально произошедшем в городе Доньи-Вакуф. Дедушка Хакия, в ту пору молодой парень, вооруженный маузером, вместе со своими братьями выкрал мою бабушку. Он был беден, и его тесть, богатый торговец, и слышать ничего не хотел о свадьбе. Моя бабушка Ханифа всегда смеялась, слушая эту историю, где она была главной героиней, несмотря на боль, которую причинял ей этот смех, поскольку врачи удалили ей мягкое нёбо. Мой дед, высокий и крупный мужчина, в свое время чудом избежал смерти. Я был уверен, что, когда вырасту, стану похож на него. На моей любимой фотографии он был запечатлен в форме полицейского Королевства Югославия накануне Второй мировой войны. Когда я как-то спросил его, что это за костюм, он мне ответил:

– В тысяча девятьсот сорок первом году я чуть не лишился головы из-за этой формы. Накануне облавы в Вакуфе один усташ⁶, который был моим школьным товарищем, предупредил меня: «Хакия, хватай ноги в руки и беги отсюда, я получил приказ завтра тебя ликвидировать».

– И что ты сделал?

– Сбежал в Сараево. И остался в живых!

⁶ Член хорватского фашистского движения.

• • • •

На «Геркулеса» со Стивом Ривзом в главной роли мать приводила меня в Дом культуры полиции не менее одиннадцати раз. Каждый раз, возвращаясь домой, я изображал сцену разрушения греческого храма. Я связывал веревкой ножки двух кресел. Дерганье за веревку приводило к обрушению кастрюль, котелков и прочих кухонных принадлежностей, которые были предварительно разложены на спинках кресел. Подразумевалось, что так я воспроизведу сцену, когда Геркулес, прикованный к колоннам храма, в своем желании освободиться неистово тянет за цепи и разрушает храм. Однажды, по случаю какого-то праздника, я показал этот номер во дворе нашего дома. От усилия и волнения я неожиданно пукнул. Мне стало стыдно, поскольку все начали смеяться, но мой отец, у которого было хорошее настроение после полуденной сиесты на диване, меня утешил:

– Не переживай, в Англии они делают это постоянно, только потом всегда извиняются.

• • • •

Больше всего меня впечатлил фильм о катастрофе самого крупного судна в мире. Придя в ужас от трагедии всех этих людей, умирающих на корабле, что было равносильно для меня концу света, я решил построить свой собственный «Титаник». В фильме меня особенно напугали сцены тонущего корабля: вода, хлынувшая повсюду, в каюты, на кухню, в коридоры, в ресторанные залы. Я подумал, что, случись такая катастрофа в нашей квартире, нас смыло бы в мгновение ока. Если бы наша полуторакомнатная квартира в доме номер 16 Д по улице Ябушицы Авдо была «Титаником», вода ворвалась бы через окно столовой, где я спал, затем через коридор заполнила бы комнату, где спали отец с матерью, и на этом бы все закончилось. Подобно большинству детей, я боялся катаклизмов и Страшного суда, связанных с «концом света», и придумывал планы спасения. Я даже представил, как для того, чтобы выбраться из затопленной водой квартиры, мы превращаемся в рыб. Когда я поделился этой идеей со своим отцом, он со смехом ответил:

– Превратиться в рыб – отличная мысль! Нам больше не придется разговаривать, мы станем немые как рыбы, которые молчат, потому что им и так все ясно.

• • • •

Мне понадобилось много времени, чтобы собрать необходимые материалы для моего корабля. Я оторвал одну ножку от табурета, который мой дед сделал своими руками в Травнике для того, чтобы женщины могли пить свой кофе сидя, и соорудил из нее мачту. Впоследствии на этот табурет села наша соседка Велинка, собираясь выпить с моей матерью по чашечке кофе, и грохнулась на пол. Немного расстроенная синяком на ягодице, она сказала:

– Вот видишь, Сенка, стоит убрать одну ножку у трехногого боснийского табурета, как все летит к чертям!

Я купил в магазине лист клееной фанеры и вырезал паруса для моего корабля из отцовской рубашки, которую он привез из Англии в 1957 году. Если бы я решил построить более крупный корабль, наша квартира стала бы такой же пустой, как муниципальное помещение Горицы, где я учился играть в пинг-понг и шахматы. Наибольшую сложность для меня составила сборка основания. Однажды я обнаружил фотографию «Титаника» в школьной энциклопедии. Не знаю почему, но я представлял себе «Титаник» с одним парусом, что не

соответствовало действительности. И тогда я решил, что мой «Титаник» будет как настоящий.

• • • •

Отец снова был в отъезде, и поэтому я не мог рассчитывать на его помощь. Он занимался серьезными делами и часто уезжал в Белград. После школы я бежал напрямик домой, чтобы продолжить создание моего «Титаника», я даже перестал играть в футбол. Именно в этот момент мое ощущение времени изменилось. Я больше не сравнивал свой путь с полетом Гагарина. Мое сердцебиение учащалось, когда я был рядом со Снежаной Видович, и время летело слишком быстро. Только мы оказывались вместе, как тут же приходилось расставаться, будь то на перемене или по дороге домой. Но когда я посвящал себя «Титанику», время останавливалось. Для меня это было так странно. Я словно оказывался в другом месте, в стране, где со всех часов сняли стрелки. Как только я садился за свой «Титаник», то моментально перемещался в мир, где больше не слышался скрип креплений бельевой веревки, где деревья не гнулись от ветра, где я не ощущал голода и мог долгое время обходиться без сна. Гагарин наверняка чувствовал то же самое в космосе.

– Именно так живут творческие люди, им плевать, который час, полночь на дворе или рассвет, и есть ли у них какая-нибудь еда. Художники поглощены своей жизнью, они замыкаются в своем мире, и ничего другого для них не существует! – объяснял мой отец, большой знаток по этой части.

• • • •

Я любил время, посвященное созданию «Титаника», почти так же сильно, как те минуты, что проводил со Снежаной. Каждый вечер я прерывал свою работу ровно в половине седьмого и выходил на улицу. В это время Снежана Видович возвращалась домой. Спрятавшись у нижних ступенек, я кричал:

– Эй!

– А! – отвечала она, останавливаясь.

Не говоря ни слова, я целовал ее и пулей бросался к дому. Я ходил целовать ее каждый вечер, как взрослые по утрам ходят на работу.

• • • •

Сооружение моего корабля заняло у меня много времени. В конце у меня возникли проблемы с клеем. Я соединил лист фанеры и деревянные детали при помощи клея *UHU*, но поскольку он был дорогой, мне пришлось приклеивать картонную палубу другим составом: смесью муки и кипятка. Моя затея превзошла все мои ожидания: «Титаник» вызвал всеобщий восторг.

• • • •

По дороге в школу я снова вспомнил о скорости полета Гагарина в космосе. В тот день, торжественно держа своего «Титаника», я думал о том, что скоро увижу Снежану Видович. Когда мы выложили свои работы на стол, я был невероятно возбужден.

– Если бы у меня был еще день в запасе, мой «Титаник» был бы еще красивее, – объяснил я учительнице.

– Куда же еще красивее, – ответила она с улыбкой, – он – само совершенство!

На перемене Снежана пришла в наш класс. Она посмотрела работы и поздравила меня:

– Твой корабль замечательный. Остальные работы по сравнению с ним – полная ерунда!

Я получил высший балл. Ремац Славица легонько дернула меня за ухо и сказала:

– Вот видишь, малыш, стоит только захотеть. Можешь передать своей матери: твой интерес пробудился.

• • • •

Я со всех ног бежал по улице, спускавшейся от школы к нашему дому. На самом деле это была не совсем обычная улица. Улицу Горуса посередине преграждали каменные лестницы. Квартал, где я жил, был типичен для Сараева – крутые тропинки и рытвины, преобразованные в улочки. Все прилегающие улицы выходили на улицу Тито. Я гордо размахивал своим макетом. Моя оценка и мой «Титаник» вызывали во мне чувство, которое взрослые называют гордостью. Минута была торжественной. Впервые в жизни никто меня не одергивал, не велел держать голову прямо, расправить плечи – все, что обычно у меня не получалось. В Сараеве люди очень рано привыкали сутулиться. Поскольку здесь всегда было либо слишком жарко, либо слишком холодно. Складывалось ощущение, что жители города чувствовали себя униженными из-за всех этих метеорологических перепадов. Зимой я съеживал плечи, чтобы оставить меньше шансов холоду, а в летнюю жару пробирался по улице Горуса и ее переулкам, словно мышка. Возможно, из-за этого искривления позвоночника или по каким-то другим причинам жители Сараева частенько называли друг друга крысами.

• • • •

По дороге домой, которую я знал как свои пять пальцев, я мчался с такой скоростью, что позавидовал бы сам Юрий Гагарин. Влюбленный в Снежану Видович, гордый своим «Титаником», я торопился скорее вернуться, чтобы доставить удовольствие матери. Отец был еще в отъезде. Время от времени я останавливался, чтобы перевести дух. В моих руках «Титаник» казался больше, чем я сам. Полметра в ширину, столько же в высоту. Я заметил свою мать, развешивающую белье на веревке между окном и акацией. Как только она возвращалась с работы, сразу же снимала с веревки сухое белье и развешивала мокрое. Она работала бухгалтером на факультете гражданского строительства. Когда кто-то ее спрашивал «Как дела?», она отвечала: «Нормально, работаю как вол». Я помахал ей рукой, но она меня не видела. Ее скрывали простыни, надувшиеся на ветру, словно паруса невидимого судна, на котором она плыла.

• • • •

Поравнявшись с лестницей, я свернул с дороги и, решив срезать путь, стал карабкаться по склону, не подумав о том, что моя гордость и высоко поднятая голова были не совсем уместны на этой неровной земле. Я споткнулся о камень и упал прямо на правую руку, в то время как левая крепко сжимала «Титаник». Я вскрикнул и сморщился от боли. Через паруса своего «Титаника» я увидел небо. Именно тогда я впервые сказал:

– Чертово небо!

• • • •

Последние сто метров пути были самыми длинными и самыми трудными. Я плакал и стонал от боли и напряжения. Мой «Титаник» казался тяжелее, чем настоящий, поскольку его вес оттягивал мою левую руку. Я ощущал во рту привкус пыли, смешанный со слезами, словно я целовал землю, и тогда я пробормотал:

– Чертова земля!

Когда соседка Велинка, смакующая кофе на своем балконе на четвертом этаже, заметила меня, она предупредила мою мать:

– Сенка, твой ребенок плачет, ему больно. Он еле тащится, размахивая над головой огромным куском дерева!

• • • •

Когда подошла мать, я принялся рыдать еще громче. Она присела, чтобы осмотреть мою распухшую руку.

– С ним что-нибудь случилось? – спросил я.

– С кем?

– С «Титаником»!

– Нет, сынок, не волнуйся, с ним все в порядке.

• • • •

По дороге в больницу, несмотря на тревогу о моем здоровье, мать несла «Титаник» с той же торжественностью, что и я. Беседуя с доктором, который диагностировал перелом запястья, она продолжала крепко держать корабль в руках. Я не хотел, чтобы она выпускала его из рук, опасаясь, что он тоже может сломаться. Врач наложил мне гипс, и мать отвела меня домой. Боль не стихала, но я ни о чем не жалел. Теперь я мог не ходить в школу.

После того как учительница сообщила, что я должен сдавать все свои домашние задания, было решено, что ко мне будет приходить Снежана и помогать их делать. И тогда мне захотелось, чтобы моя рука никогда не зажила. Особенно когда Снежана время от времени просовывала под гипс вязальную спицу, чтобы осторожно почесать зудящее место. Мы с ней условились, что я буду диктовать, а она записывать. Я смотрел на нее и мечтал, чтобы моя вторая рука тоже оказалась сломанной. А заодно и обе ноги. Чтобы Снежана могла писать за меня все мои домашние задания... Никогда еще мой почерк не был таким красивым.

• • • •

Папа вернулся из командировки и очень расстроился из-за моего перелома. Он расцеловал меня и пообещал отвезти купаться в Илиджу⁷, как только наступит купальный сезон. Он знал, что мне это доставит удовольствие, поскольку я уже как-то ездил без разрешения в Илиджу, прицепившись к трамваю, за что получил неплохую взбучку.

⁷ Бальнеогрязевой и климатический курорт в Боснии и Герцеговине, расположенный в 5 км от Сараева (связан с ним трамваем). – *Примеч. пер.*

• • • •

Перед тем как лечь отдыхать после обеда, отец внимательно *изучил* макет «Титаника». Разглядывая его со всех сторон, он покачивал головой.

– Отличная работа! – сказал он мне. – Только, мне кажется, каркас немного тяжеловат. Когда будешь переставлять его на другое место, будь осторожнее. Не знаю, выдержит ли клей. Мне это напоминает конструкцию нашего социалистического общества!

• • • •

Когда мне сняли гипс, у меня возникло ощущение, что моя зажившая рука стала невесомой. Отец вернулся домой поздно ночью в приподнятом настроении и, как обычно, когда он был в таком состоянии, привел с собой подвыпившего друга. Я закрыл глаза и притворился, что сплю. Отец прошел в спальню и разбудил мать:

– Сенка, просыпайся, сегодня вечером Насер⁸ бросил русских и подался к американцам!

Мать встала. Ей показалось, что она видит перед собой бочонок с белым вином, а не своего мужа. Она всегда отказывалась принимать всерьез интерес маленьких людей к большой истории и старалась оградить от этого меня.

– Тише ты, горлопан! – прошептала она. – Разбудишь ребенка. Ему завтра рано вставать в школу!

Друг моего отца, мужчина с остроконечной козлиной бородкой, сел на табурет рядом с моим кораблем и после каждой фразы отца, прикрыв веки, монотонно спрашивал:

– Ну и что ты предлагаешь?

– Ничего не предлагаю, – ответил мой отец, – но это удар не только по международному рабочему движению, но и по всей Югославии.

– Разве все в жизни сводится к политике? – вмешалась моя мать. – От этого что, мир рухнет?

– Мне кажется, что равновесие в мире уже серьезно пошатнулось, – ответил отец, – дай мне выпить!

– Идите отсюда оба, вы разбудите малыша!

– Ну и что ты предлагаешь? – спросил мужчина с бородкой.

– Поскольку мы не можем изменить мир, предлагаю поменять кабак, – заявил отец.

– Убирайтесь! – тихо проворчала мать, оскорбленная тем, что отец сравнил наш дом с кабаком.

• • • •

Отец подошел ко мне и поцеловал, думая, что я сплю, затем пошел за Сенкой в спальню. Его друг продолжал повторять сам себе:

– И что ты предлагаешь, Мурат?

Поскольку отец ничего не отвечал, мужчина встал с табурета и, с трудом удерживая равновесие, принялся вальсировать, как Чарли Чаплин в «Золотой лихорадке». Он покачивался то вперед, то назад, а в это время из спальни доносились приглушенные голоса моих родителей, спорящих о Насере. Естественно, друг моего отца в итоге потерял устойчивость и

⁸ Насер, Гамаль Адель (1918–1970) – президент Египта с 1956 по 1970 г. – *Прим. пер.*

схватился за мачту моего «Титаника». Я смотрел на это сквозь прикрытые веки, готовый броситься к своему кораблю подобно Муфтику, вратарю футбольного клуба «Сараево», чтобы предотвратить возможную катастрофу. Корабль накренился, готовый упасть, но мужчина упал раньше его. Ему, тем не менее, удалось удержать мой корабль за корпус.

– Избави нас Бог от второго крушения «Титаника», – произнес он, поставив корабль обратно на радиоприемник.

Лежа в своем углу на диване, я облегченно вздохнул и быстро спрятался под одеяло, чтобы мужчина с бородкой меня не заметил. Казалось, в комнате вновь воцарился покой, когда вдруг приятель моего отца решил поставить финальную точку в приключениях моего «Титаника». Выходя, он так сильно хлопнул дверью столовой, что вибрации хлипкой социалистической постройки добрались до радиоприемника, а от него – до «Титаника». От ударной волны мой корабль опрокинулся, сломав при падении свою мачту, – и клей из муки оказался неспособным удержать палубу. Мой мир рухнул на моих глазах.

Я долго плакал той ночью, прежде чем сделать окончательный вывод:

– Чертова социалистическая конструкция!

КАК Я ВПЕРВЫЕ НЕ УВИДЕЛ ТИТО

В 1963 году я в первый раз пересек границу Социалистической Федеративной Республики Югославия. Мы с Сенкой отправились в длительную поездку в Польшу, где жила моя тетя Биба Кустурица. Ее муж, Любомир Райнвайн Бубо, был корреспондентом югославского информационного агентства ТАНЮГ⁹ в Варшаве, а сама она работала в Институте международного рабочего движения. Для моей тети это был второй переезд за границу, со вторым мужем. Она снова вышла замуж после развода со Славко Комарицей, который был генеральным консулом Югославии в Берне.

– Это означает, что тетя Биба пересела с лошади на осла? – простодушно спросил я своего отца.

Отец любил, когда я ему подражал, делая логические выводы, но этот новый муж моей тети ему совсем не нравился.

– Ты, малыш, слишком любопытен для своего возраста!

• • • •

Не только друзья моего отца были мучениками, пострадавшими за любовь к матушке-России. Среди моих приятелей тоже были такие. Поскольку я изучал русский язык, ученики, с которыми я ежедневно встречался на уроках, были в большинстве своем детьми политзаключенных из «Голи-Оток»¹⁰.

– Я хотел бы работать на почте, чтобы каждый день ставить штемпели на марки с изображением Тито, – однажды признался мне Дуско Радович, сидевший за партой впереди меня.

Радович мечтал о работе простого почтового служащего вовсе не потому, что был плохим учеником. Он был лучшим в школе по математике и разрешал нам списывать свои домашние задания. Проставляя штемпели на лицо Тито, мой товарищ хотел отомстить за своего отца, который получил восемь лет исправительных работ в лагере «Голи-Оток». Рассказывая мне по секрету свою мечту о почтовых марках, он незаметно для себя принялся стучать кулаком по столу, сначала тихо, затем все громче и громче. Он был похож на танцора из фольклорного коллектива косовских албанцев, которые впадают в транс, подчиняясь ритму. Я попытался его успокоить, опасаясь, что его выгонят с урока.

• • • •

Для меня товарищ Тито был сравним с сигнальным дорожным столбиком на улице Горуса: он маячил везде, через каждые десять шагов. Один из друзей моего отца, инженер-электрик Сулейман Пипич, считал, что нужно принимать Тито как судьбу. Однажды после барбекю в доме Сулеймана снова зашел спор о Тито.

– Это всего лишь обычный австро-венгерский проходимец! – заявил мой отец.

– Тито – это наша неизбежность, – ответил Пипич.

– Ты смотришь на вещи с исламской точки зрения. У вас все – неизбежность. Может, Тито еще и святой? Или что-нибудь в этом роде? – спросил отец.

⁹ Телеграфное агентство Новая Югославия, ТАНЮГ (*Telegrafska agencija nova Jugoslavija, TANJUG*), основано в 1943 г. – *Примеч. ред.*

¹⁰ «Голый остров» – самый жестокий лагерь, расположенный на небольшом острове в Адриатическом море, куда Тито отправил пятнадцать тысяч граждан, симпатизирующих Коминформу после разрыва отношений с СССР в 1948 г.

Являясь представителем нашей страны в Судане в сфере технологического развития, Сулейман в полной мере воспользовался политикой неприсоединения Тито. Он заработал много денег и построил себе дом над Баскарсией¹¹. Оставшиеся деньги он дал нам в долг на покупку нашего «Фольксвагена-1300».

– Говорю тебе, Пипич, этот официант¹² еще всех нас поимеет, – бросил отец, в то время как испуганная мать дернула его за рукав.

– Мурат, у стен есть уши! – сказала она.

– Ну и пусть! Я свободный человек! А он – обыкновенный диктатор!

– Ты перегибаешь палку, Мурат, – тихо произнес инженер Пипич.

– В сорок восьмом году он сказал «да» Сталину, тогда как все были уверены, что он скажет ему «нет». В реальности же в ялтинских договоренностях его «нет» оказалось «да». Все решилось на месте, пока здесь он строил из себя героя. Оказалось, он просто рисовался! – возразил отец тоном, не терпящим возражений.

Я не знал, что означало «рисовался», но слово «диктатор» я понял, благодаря фильму Чарли Чаплина.

– Папа, он как Чарли Чаплин! – вмешался я в беседу, надеясь, что моя реплика понравится отцу. Я с волнением ждал его ответа.

– Намного забавнее, сынок, и гораздо хуже!

• • • •

Мой отец не любил Тито, потому что большинство его друзей, бывших товарищей по партизанской войне, закончили свои дни в тюрьме «Голи-Оток», сосланные туда под предлогом чрезмерной симпатии к русским и Советскому Союзу.

– В этом он весь, – рассказывал отец. – Отправлял невиновных в «Голи-Оток», чтобы смыть с себя позор. Сначала он сам научил их любить Сталина и Россию, а потом сослал в концлагерь, чтобы отучить от этой любви. Он знал, что это наилучший метод перевоспитания, поскольку перенял его у самого Сталина.

Мой отец не стал прямой жертвой Коминформа¹³, но его перевели из Белграда в Сараево. В действительности все выглядело так, словно его переместили по службе совсем по другой причине. Одних отстранили из-за Коминформа, других – из-за их чересчур активной жизненной позиции. Высылка из Белграда являлась обычным наказанием для государственных чиновников. Мне отец сказал, что причиной его перевода стала дружба с его сводным братом, которого тоже внесли в черный список, когда Тито перестал любить Сталина.

– Мой Мурат – добрая душа! И если он предастся излишествам, то лишь для того, чтобы хоть немного отдохнуть от своей доброты, – обычно говорила моя мать.

Это, бесспорно, было самое лучшее мнение о моем отце.

Он работал в государственном аппарате и не был доволен своей жизнью. Вначале он занимал пост заведующего канцелярией Информационного бюро Социалистической Республики Босния и Герцеговина, затем был понижен до помощника секретаря. Он хорошо говорил по-английски, но предпочитал русские песни.

¹¹ Торговый квартал Старого города.

¹² В юности Броз Тито работал официантом. – *Примеч. пер.*

¹³ Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (1947–1956) – международная коммунистическая организация.

• • • •

В тот вечер, после дискуссии о Тито, я уснул на руках у матери, а отец затянул песню «На Байкале». Тут же в моем сне появилась Снежана Видович. Русские песни вызывали ее образ и раньше, но в саду инженера Пипича она предстала в очень странном виде. На ней было свадебное платье, и она держала в руках маленькую ореховую ветку. Я узнал жезл Тито, который пионеры, молодежь, крестьяне и рабочие вручали ему на день его рождения.

– Это жезл Тито, – сказала Снежана, – нас с тобой выбрали, чтобы вручить его Тито на день рождения!

– Почему на тебе свадебное платье?

– Потому что мы с тобой станем мужем и женой!

– Я согласен пожениться, но ветку вручать не буду! – возразил я. – Во-первых, я не отличник, а во-вторых, я не знаком лично с товарищем Тито. Я видел его только на фотографии.

– Значит, ты не хочешь на мне жениться?! – спросила меня Снежана.

– Как это не хочу? Я готов все сделать для нас двоих!

– Тогда решай: если хочешь получить мою руку и сердце, бери жезл и иди со мной, иначе я пойду туда одна, а тебе придется искать себе другую жену!

Я взял в одну руку жезл, в другую – руку Снежаны, и мы бросились бежать по улице Логавина. Взмолвленная толпа скандировала: «Тито! Тито!» Совсем как в жизни. Я был ошеломлен, как Шарло, потерявшийся в революции, и озирался, размахивая ореховой веткой. В конце концов я примкнул к народному празднеству, всеобщему ликованию, которое перенеслось из реальности в мой сон. Мы пошли по главному проспекту, ведущему к стадиону «Косево». Там мы не обнаружили ни малейших следов пребывания Тито.

Папа Снежаны, полковник Видович, с бровями, похожими на жестяные навесы, вышел из толпы и сказал:

– В целях безопасности мы были вынуждены изменить маршрут товарища Тито, чтобы не повторилась история Франца Фердинанда!¹⁴ – И добавил специально для меня: – Старик остановился в отеле «Загреб», в Марьином дворе¹⁵. Он ждет вас там, дети мои, поторопитесь!

• • • •

В конце концов мы обнаружили Тито в прокуренном номере отеля, где он играл в покер, пыхтя гаванской сигарой. Рядом с ним сидел маленький человечек с белой скатертью на голове. Там был еще один, весь в белом, в колпаке, как у нашего булочника Кесича, а также высокий араб. Мы остановились около стола Тито, возбужденные и запыхавшиеся.

– А вот и малыш Кустурица! Боже мой, как ты вырос! – сказал он мне.

– Славный малыш, славный малыш! – эхом откликнулись остальные: мужчина со скатертью на голове и араб.

Третий промолчал. Вместо того чтобы прочесть текст о любви, который я знал наизусть, я со всей силы ударил Тито по голове ореховым жезлом и закричал:

– Разве мы не договаривались, что ты будешь ждать нас на стадионе «Косево»? Отвечай, мерзкий диктатор!

¹⁴ Франц Фердинанд (1863–1914) – австрийский эрцгерцог, племянник императора Франца Иосифа I, наследник престола. С 1898 г. заместитель главнокомандующего, один из инициаторов аннексии Боснии и Герцеговины (1908). Убит в Сараеве членами конспиративной группы «Молодая Босния». – *Примеч. пер.*

¹⁵ Квартал в Сараеве с австро-венгерской архитектурой конца XIX в.

Я ударил его во второй и в третий раз, продолжая вопить:

– На, получай: это за Сибу Краваца, а это за Зульфю Бостандыча, за всех товарищей папы, проклятый диктатор!

Снежана Видович внезапно сняла свое платье невесты и принялась мутузить Тито ногами, в то время как он пытался защититься от ударов.

– Почему ты не подождал нас, гадкий диктатор, а?! Говори! Отвечай, отвечай!

Я проснулся от собственного крика.

• • • •

– Что случилось, сынок? – спросила меня мать.

– Ничего. Мне приснился Чарли Чаплин!

Я не осмелился рассказать свой сон никому, даже отцу.

Когда мы возвращались на машине домой, отец бросал на меня короткие взгляды в зеркало заднего вида. Внезапно он подмигнул мне.

– Ты и правда весь в меня! – сказал он.

Для меня это был очень важный момент.

• • • •

Я не знал, что означает «половое созревание», и сожалел, что еще не вступил в этот загадочный возраст, как мои кузены: Эдо, Дуня, Сабина и Аида. Все они жили в большом доме моего деда под номером два на улице Мустафы Голубича. Он купил это жилье на собственные сбережения, добавив приданое моей бабушки, которое они в конце концов получили, через много лет после своей тайной свадьбы. Но я никак не мог понять, на какие средства дед содержит это величественное здание, построенное для какого-то барона, о чем свидетельствовали фонтан, ныне заросший сорняками, и широкая мраморная терраса.

– Это благодаря квартирантам, сынок, – объяснила мне мать.

Я по-прежнему ничего не понимал, но заметил, что в доме живут две семьи с другими фамилиями. Первая, по фамилии Котник, проживала на верхнем этаже при входе в большой коридор, а вторая, Бегич, занимала первый этаж. Это и были квартиранты. Несмотря на свой обветшалый вид, этот дом остался в моей памяти как самый красивый дом моего детства.

• • • •

Мой отец не был против, чтобы я проводил уик-энд в этом доме, но тем не менее любил повторять моей матери:

– Повсюду в мире люди женятся и уходят от родителей, чтобы вести свою собственную жизнь. Тогда как твоя семья, Сенка, живет, как в Средневековье. Ничто не заставит их оторваться от юбки своей матери!

Это был один из тех редких случаев, когда отец и мать были согласны друг с другом.

– Что за жизнь в коммуналке, – повторяла она, гордясь нашей полуторакомнатной квартирой.

• • • •

Поскольку у меня не было ни брата, ни сестры, я как раз хотел бы жить в такой «коммуналке». Когда я ночевал у Эдо, Дуни, Сабины и Аиды, мне казалось, что они и вправду становились моими родными братьями и сестрами.

Несмотря на свою болезнь, мать Сенки готовила кромпирусу, слоеный картофельный пирог из гречишной муки. Ни один слоеный пирог в мире не мог сравниться с пирогом нашей Матери. Сенка утверждала, что все это благодаря железной печи, в которой он выпекался и которую топили деревом или углем.

Пока я ел, Мать гладила меня по волосам, а я просил ее рассказать, что она хранит под кроватью в чемодане, который мы прозвали волшебным сундуком. Я теребил ключ, висевший у нее на шее, словно медальон, и слушал ее.

– Ничего, кроме бриллиантов и сапфиров! – отвечала она, тихонько посмеиваясь, насколько ей позволяла болезнь. – Когда я уйду в мир иной, то оставлю все это своим детям.

Мы, дети, не хотели, чтобы она умирала, но Эдо, Дуня, Аида, Сабина и я частенько ложились на пол и пытались угадать, что было спрятано в волшебном сундуке нашей Матери. Мы играли в эту игру, придумывая, что сделаем с сокровищами, когда они достанутся нам по наследству. Эдо говорил, что обменяет бриллианты на деньги и отправится в Лувр смотреть картины величайших художников мира. Как-то он сказал мне, что одна только улыбка Моны Лизы стоит того, чтобы съездить в Париж. Что касается меня, я хотел купить «улицу грёз» – так мы называли улицу Стросмайер, которая каждый Новый год превращалась в рай для детей. Дуня собиралась оставить сбережения на потом, когда она вырастет и создаст свою семью. Аида мечтала стать Элизабет Тейлор, поскольку у той были фиалковые глаза, а ее сестра Сабина просто хотела, чтобы ее отец перестал пить!

Дядя Адо, отец Аиды и Сабины, был офицером авиации и имел обыкновение начинать свои фразы со слов: «Несмотря на весь мой ум». И только потом следовало продолжение.

– Кем ты работаешь, дядя Адо? – как-то спросил его я.

– Несмотря на весь мой ум... я – пилот, мой мальчик.

– Чтобы стать пилотом, много ума не надо...

– О! Для этого, конечно. Но если бы мне повезло, я мог бы управлять космическим кораблем.

– Как Гагарин?

– К сожалению, мы живем в маленькой стране, и у нас недостаточно возможностей для космических разработок, здесь нужны крупные инвестиции.

• • • •

Дедушка терпеть не мог дядю Адо.

– Кто пилот – он? Да он работает журналистом в казарме Райловаца!¹⁶ – рассказал он мне однажды.

Дядюшка Адо, насколько я понял, не был обычным лгуном. Поскольку он носил синий костюм, то ответил так на мой вопрос, чтобы доставить мне удовольствие: он знал, что, как и все мальчишки, я обожаю самолеты. Адо прилагал все усилия, чтобы сделать счастливым моего кузена Эдо, заменив ему, насколько возможно, его отца Акифа. Когда на прилавках рынков Сараява появлялись первые бананы и апельсины, он покупал их, возвращаясь из

¹⁶ Аэродром возле г. Сараяво. – *Примеч. пер.*

казармы Райловаца, и выкладывал на стол в комнате, где жили Эдо, Дуня и их мать Биба. Его собственные дети всегда были на втором месте. Адо отправлялся на работу в безукоризненно чистом костюме, а возвращался обычно со следами штукатурки и земли на синей форме. Однажды он принял решение раз и навсегда покончить с алкоголем, что несказанно обрадовало мою тетю Изу.

– Я не выпью больше ни капли, а ты сядешь на диету, – объявил он.

Моя тетя, пришедшая было в восторг от того, что ее муж собирается бросить пить, моментально встревожилась при мысли, что отныне ей придется следить за своим питанием:

– Ты же знаешь, Адо, я ем как воробышек!

Дядюшка Адо остался непреклонен:

– Значит, не будешь есть вообще, даже как воробышек, посмотри, какая ты толстая. Отнеси все деньги в банк, положи их на сберегательный счет на два года, пока кризис не минует.

Моя тетя сделала все так, как велел ее муж. Но уже на следующей неделе Аида и Сабина с воплем ворвались в комнату дедушки:

– Папа бьет маму и требует, чтобы она забрала деньги из банка!

Дедушка утихомирил эту ссору, как и множество других в доме номер два по улице Мустафы Голубича.

• • • •

Когда дедушка возвращался с работы, мы всегда радостно бросались ему навстречу. Он приносил нам сливы, инжир, все эти маленькие гостинцы, которые мог себе позволить государственный адвокат. Я был не так близок с дедушкой, как Эдо, и испытывал по этому поводу ревность. Но их особые отношения объяснялись тем, что они жили под одной крышей. Я сблизился с дедом в тот период, когда он научил меня свистеть. Все считали, что его любимая песня – «Муйо подковывает коня под луной», тогда как в действительности он обожал песню «Битлз» «*When the saints go marching in...*». Но он быстро заметил, что я не на шутку разошелся и мог насвистывать до поздней ночи.

– Не свисти ночью в доме, разбудишь дьявола! – одернул он меня.

Чтобы хоть немного развеселить нашу больную Мать, он говорил ей:

– Старушка моя, я побрился, сегодня вечером колоться не буду.

Однажды мы с Эдо обнаружили его неподвижно лежащим на балконе и разглядывающим фотографии обнаженных женщин из журнала «Старт». Вся странность состояла в том, что выданные из журнала страницы были развешаны на веревках посреди белья, сохнувшего на солнце.

– Ты спишь, дедушка? – спросил я.

Он поспешно спрятал порнографический журнал под матрац и снял страницы с бельевой веревки.

– Смерть, мои дети, похожа на рубашку – всегда висит на спине! – заявил он.

Я не улавливал связи между обнаженными женщинами и смертью, похожей на рубашку, но добавил:

– А еще больше – на майку, которая прилипает к спине.

– Малыш, у тебя правильные мысли, и что еще важнее, ты делаешь правильные выводы.

Это была шутливая сторона моего дедушки.

• • • •

Его серьезная сторона проявлялась каждый вечер ровно в десять часов. В это время Акиф, брат моей матери, возвращался домой. За полчаса до этого дедушка входил в комнату детей, снимал пластинку «Битлз» со старого граммофона, который остался у нас после отъезда господина Фишера, бывшего владельца.

– Так, всем на горшок и спать! – объявлял он.

Когда я хвастался, что уже сходил в туалет, он отвечал:

– Сходи еще разок, это бесплатно.

Оберегать ночной сон своего сына Акифа, отца Дуни и Эдо, было для деда самым строгим правилом в доме. С опаской и почтением мы смотрели, как наш дедушка проверяет, все ли готово к приходу его сына. Акиф, работавший представителем фирмы «*Philips*» в Боснии и Герцеговине, был лично знаком с королевой Голландии. После войны он выпал из своего джипа и с тех пор страдал эпилепсией. Это была официальная версия. Мой отец не верил ни слову из этой истории с аварией. Он считал, что скрывать такие вещи от своих близких недостойно цивилизованного человека.

– Достоевский тоже страдал эпилепсией, и что с того? О подобных рисках следует знать заранее. Какие еще автомобильные аварии и прочая чушь?! Эпилепсия передается по наследству! – гневно говорил он, повторяя моей матери, что лишь чудом Эдо и Дуне не передалась эта тяжелая болезнь.

Кровать дедушки стояла рядом с дверью, соединяющей две комнаты: столовую, служащую спальней моим бабушке с дедушкой, и комнату их сына. Часто я тайком наблюдал за дядей Акифом, когда он направлялся в свою спальню. Однажды, спрятавшись за дверью комнаты, где жили Эдо, его сестра Дуня и их мать, я принялся подглядывать в замочную скважину. Я не заметил, что ручка двери опустилась и язычок уже не держит ее. Когда дверь открылась, я вывалился в коридор. Дядя, увидев меня распластанным на полу, приподнял свою шляпу, чтобы придать пикантности этой странной встрече, словно он приветствовал важную персону.

– Как дела, мой Эмир? – спросил он, погладив меня по волосам.

Я пожал плечами, он снова надел шляпу и вошел в свою комнату. Когда я спросил Эдо, почему его родители не разговаривают друг с другом, он ответил:

– Он считает, что она ему изменила, но она тоже знает, что он ей изменял. В итоге расплачиваемся мы с Дуней. Перед тобой, по крайней мере, он снял шляпу, меня он вообще в упор не видит, когда проходит мимо!

Теперь я понимал, что означала фраза дедушки: «Другие занимаются сексом, а я кисну в ванной!»

• • • •

Граммофон господина Фишера находился в маленькой комнате, где Сабина и Аида проводили почти все свое время. Они слушали «Битлз» часами напролет и не пропускали ни одного концерта Джорджа Марьяновича. Однажды они взяли меня с собой на его выступление в Дом культуры полиции. Как они мне объяснили, Джордж доходил до экстаза к концу песни Адриано Челентано «*Venti quarto mille baci!*».

– Стриптиз! Стриптиз! – кричала толпа.

Джордж снимал свой пиджак, раскручивал его над головой и бросал в зал. Это и был «стриптиз».

• • • •

Вернувшись домой после концерта, Аида и Сабина исполнили специальный номер. Они вертелись на месте и жевали свою жевательную резинку. Они танцевали твист, наклоняясь вперед, выпячивая ягодицы, и обменивались жевательной резинкой, растягивая ее.

– Эти «Битлз» просто супер, песня «Мишель» – настоящий Тито! – восторгалась Аида.

– Господи, Аида, как ты можешь говорить такие глупости! – упрекнула ее Дуня.

– Почему глупости? Я просто говорю, что песня мне нравится. Как Тито.

– Но как ты можешь оскорблять Тито?

– Я его не оскорбляю, я говорю что песня – классная, совсем как Тито!

– Тито – это табу, о нем нельзя спорить, – вмешался один из квартирантов, так называемый Котник, который тоже находился в «возрасте полового созревания».

Он был партийным секретарем второго лица Сараева и явно питал нежные чувства к Дуне. Я видел это по его очкам, которые запотевали, когда он смотрел на нее. Эдо недолюбливал его. Когда я позже спросил об этом свою мать, она не задумываясь ответила:

– Братья не любят, когда их сестры интересуются другими мальчиками.

– Но ведь сестра все равно не может выйти замуж за своего брата, так не принято! – воскликнул я, и мать посмотрела на меня с удивлением.

• • • •

Но Эдо, читавший книги, заткнул рот Котнику:

– При социализме не может быть табу. Табу – удел религий, а не продвинутого общества. Поэтому следует разрушать все табу!

Котник недовольно замолчал. А Эдо после этой короткой тирады удалился в свою комнату, чтобы рисовать портреты. Тогда Котник вновь осмелел и вернулся к своему первоначальному мнению о Тито и социализме.

Я сгорал от желания принять участие в дискуссии о Тито и рок-н-ролле, но не знал как. И тогда мне пришла в голову мысль рассказать свой сон о жезле Тито. С первых же слов Котник уставился на меня такими круглыми глазами, что я поспешил изменить главное действующее лицо своей истории. Я принялся рассказывать свой сон от имени одного из моих школьных товарищей. В конце моего рассказа, когда я дошел до эпизода, где мой воображаемый герой бьет Тито жезлом, он со вздохом покачал головой.

– Это ерунда, – заявил он. – Вот я слышал, что в нашем колледже есть один черногорец, отец которого хотел бы работать на почте. Чтобы ставить штампы на лицо Тито всякий раз, когда нужно погашать марки! Вот таких следует расстреливать. К стенке – и пулю в голову!

Я похолодел.

И тогда я осознал, что мои сны были опасны. Все согласилось с Котником, лишь Златко Бежич, жилец с первого этажа, сидел молча. Его отец был религиозным мужчиной, практикующим мусульманином, и сын не высказывал своего мнения ни о Тито, ни о «Битлз». После этой сцены я решил называть Снежану Видович «Тито», чтобы избежать неприятных последствий своего сна и ничем не выделяться среди других. В этом решении не было ничего необычного. На нашей улице, когда какой-нибудь парень восхищался красотой девочки, он говорил: «Дружище, она красива, как Тито!»

А когда кто-нибудь забивал удачный гол на футбольном матче, раздавались возгласы: «Какой гол! Настоящий Тито!»

Так же как я иногда любил сбежать из дому, Эдо каждые две недели приходил ночевать к нам. Он появился на свет в 1948 году. Перед моим рождением он поспорил с моим отцом, что

родится мальчик. Отец был уверен, что будет девочка. Когда 24 ноября 1954 года я с криком вошел в этот мир, Эдо выиграл пари, к великой радости моего отца, который совершенно не жалел о проигранных ста динарах. Хотя его зарплата составляла всего восемь тысяч динар, притом что маленький «фиат» стоил целых шестьдесят тысяч. Когда Эдо было всего три года, моя мать отвела его купаться в Дариву, на речку Миляцка. И Эдо там чуть не утонул. Каким-то чудом он ухватился за мою мать, и она его спасла. Она вошла в воду, не подозревая, что маленький Эдо последует за ней и тут же начнет тонуть. Пока он шел ко дну в мутной воде Миляцки, словно слепой в темноте, одному Богу известно, как он уцепился за ногу моей матери. И это спасло ему жизнь.

• • • •

Эдо Нуманкадич мечтал стать художником, но все члены его семьи хотели, чтобы его будущее было связано с электроникой. С моим отцом Эдо много разговаривал, обо всем и ни о чем. Чаще всего о политике, но и об искусстве тоже. Вмешательство Мурата стало решающим в будущем образовании моего кузена.

– Друзья мои, вы сошли с ума? Зачем вы мучаете этого мальчика? Вы когда-нибудь видели, чтобы художник изучал электронику?!

Позже Эдо увлекся литературой и начал писать абстрактные картины. Он был благодарен моему отцу, поскольку тот выражал свои мысли со всей прямоотой, как принято у герцеговинцев. К тому же Эдо переживал, что не может нормально общаться со своим отцом.

• • • •

Эдо и Мурат постоянно спорили по поводу живописи. Папа считал, что современные картины похожи на кухонный линолеум.

– Нет, они выражают спонтанность, особое выражение свободы. Так же, как рок-н-ролл стал передовым движением современной молодежи. Один из способов бросить вызов старшему поколению!

Отец был с ним не согласен. И когда позже рок-н-ролл проник в партию Тито, он спросил моего кузена:

– Ну, что скажешь теперь? На Западе длинноволосые юнцы презирают Джонсона, а наши играют для Тито на Новый год.

– Дядя, это оригинальность нашего экспериментального поиска, – объяснял Эдо.

Но отец не сдавал позиций:

– Да плевать я хотел на твою экспериментальную оригинальность! Если выбирать между «Королем Лиром» и твоей «Лысой певицей»¹⁷, я всегда выберу «Короля Лира».

Папа читал Шекспира в оригинале, и мы этим очень гордились. Особенно моя мать, когда соседки говорили ей:

– Как тебе повезло с Муратом – он говорит по-английски почти без акцента, а мой едва мямлит на сербохорватском.

Когда мой отец слышал это, он не мог удержаться, чтобы снова не вспомнить о Тито:

– Это нормально, что он еле мямлит, поскольку сам президент разговаривает на своем родном языке с иностранным акцентом.

¹⁷ Пьеса Эжена Ионеско (1909–1994), французского драматурга румынского происхождения, отвечающая принципам «театра абсурда». – *Примеч. пер.*

• • • •

Часто я слышал, как простые люди говорили в трамвае:

– Тито еще не всех наказал. Дай мне власть на пять минут, и я превращу всю страну в «Голи-Оток»!

Какой все-таки замечательный у нас народ, думал я. Они все хотят, чтобы в нашей стране был порядок, и при этом так любят слова песни: «Кто скажет иное, тот лжет и клеветает, и будет наказан, и будет повешен!»

Однажды, когда я пел эту песню в хоре, я спросил у своей учительницы:

– Если мой папа считает, что Тито плохой, значит, он лжет и клеветает?

– Именно так, – ответила она, – но поскольку твой папа так не считает, все в порядке.

А что касается тебя, ты здесь для того, чтобы петь, а не задавать глупые вопросы.

Все засмеялись надо мной. Лишь Снежана Видович осталась серьезной.

• • • •

Среди «врагов государства», приходивших в нашу квартиру, самым известным был Хайрудин Сиба Крвавац, автор фильмов о нашем народно-освободительном движении. Сиба впал в немилость за то, что назвал некого Йову хорошим человеком, когда тот уже находился в «Голи-Оток». Поскольку дядя Сиба был мужчиной, он не мог отказаться от своих слов. Тогда он даже не догадывался, что его мнение о человеческих качествах товарища Йовы отправит его на исправительные работы.

– Хуже этих исправительных работ в новейшей истории ничего не было, – заявил мой отец.

Однажды на пляже Заострога нам с Сенкой с трудом удалось отговорить его от драки с неким Брацо, так называемым «горцем». Этот Брацо ненавидел русских и бросил моему отцу:

– Всех вас, кто так любит русских, я бы отправил в лагерь, а оттуда – напрямиком в Россию! Свора подонков!

Однажды вечером, когда отец разговаривал с Сибой в столовой, я снова притворился, что сплю. Этот диван быстро стал местом, откуда я с закрытыми глазами слушал великие уроки жизни и истории. Моя мать отправилась спать. Она не скрывала своей радости видеть отца дома, это слышалось в интонациях ее голоса.

– Хорошенько запри дверь, проверь плиту... и поменьше шумите!

Отец откупорил бутылку рислинга, и я понял, что ночь будет долгой.

– Все это однажды рухнет, – произнес он. – Во всем мире врачи и адвокаты живут на собственных виллах, у нас же все наоборот. Адвокаты и врачи плесневеют в многоэтажках, а неучи строят себе виллы. Не крестьяне, не рабочие. Так долго продолжаться не может!

– Да здравствует Бельведер! – сказал Сиба моему отцу.

Они пили, говорил в основном мой отец. Дядя Сиба отмалчивался и пытался перевести тему с политики на кино, но безуспешно. Отец говорил без остановки, даже когда отправился в туалет. Он кричал оттуда, и его голос из-за акустики звучал более торжественно:

– Какая демократия? Что за чушь? Здесь нет никакой демократии и быть не может!

– Ну конечно же есть, Мурат!

– В нищей стране не может быть демократии, дорогой мой Бельведер!

Я смотрел на дядю Сибу, который вскочил со стула, показал на люстру, приложил палец к губам, всей своей мимикой пытаясь помешать моему отцу вынести приговор товарищу

Тито. Отец вернулся в комнату, застегивая ширинку, в то время как Сиба своей пантомимой старался донести до него, что их могут слышать.

– Одни проходимцы и преступники, а Тито – самый главный из них! – подвел итог отец.

• • • •

Папа никогда не запрещал мне носить длинные волосы. Мать, напротив, говорила, что волосы следует стричь в целях гигиены. Я слушал «Битлз» и «Роллинг Стоунз» по люксембургскому радио и, трясая головой, представлял, что у меня волосы до плеч. Позже отец купил нам в кредит проигрыватель и водные лыжи. Лыжи долгое время лежали без дела, зато проигрыватель жил недолго. Поскольку игла была не алмазной, она быстро сломалась. Я слушал в основном «Стоунз». Их жесткое звучание нравилось мне больше, чем песня «Мишель», «которая была как Тито».

• • • •

В один прекрасный день мне надоело встречать Снежану Видович у ворот школы, кричать ей «Эй!» и слушать ее «А!». Я не раз слышал разговоры взрослых ребят о том, как в сливовом саду возле старого мусульманского кладбища мужчины и женщины занимаются сексом. Я твердо решил стать взрослым.

Мать собиралась к своим родителям:

– Скоро приду, на улицу играть не ходи.

Как только Сенка исчезла внизу лестницы, затем скрылась за акацией, я помчался к дому Снежаны, чтобы предложить ей пойти ко мне и вместе сделать упражнения по алгебре.

– Где твои родители? – спросила она, войдя в квартиру с тетрадкой в руке.

Когда она увидела, что я дома один, то тут же собралась уходить. Я поставил диск «Стоунз», и Снежана не смогла устоять перед голосом Мика Джаггера, которого я называл Маниту¹⁸ Большая Пасть. Я принялся танцевать твист и задохнулся, выкуривая свою первую сигарету. Клубы крепкого табака обжигали мне горло. Это была «Герцеговина» без фильтра, которую я стащил из пачки у своей матери. Снежана встала передо мной, глядя на меня глазами ярмарочного гипнотизера. Я замер на месте, а она вдруг начала танцевать с невероятной скоростью. Мои глаза стали размером с бильярдные шары. Я положил в рот жевательную резинку и продолжил свой танец, наклоняясь к ней, как это делали мои кузины Аида и Сабина. Она засмеялась, включилась в игру и приблизилась ко мне. В момент обмена жевательной резинкой я сказал:

– Хочешь заняться сексом?

Она резко остановилась и выключила проигрыватель. Я почувствовал, что происходит что-то непредвиденное.

– Я слышал, как взрослые говорят, что это совсем несложно и очень приятно, – попробовал объяснить я. – Надо просто обняться и доставить друг другу удовольствие.

Снежана влепила мне звучную пощечину, взяла свою тетрадь и ушла, хлопнув дверью.

• • • •

Время шло, а я до сих пор так и не видел Тито. Только на портрете. И во сне. Как вдруг по нашему классу пронеслась новость: «Завтра Тито приезжает в Сараево».

¹⁸ Название божества у североамериканских индейцев. – *Примеч. пер.*

• • • •

Это был хмурый и холодный ноябрьский день. Нас, учеников начальной школы «Хасан Кикич», повели встречать Тито. Мы остановились в Марьином дворе, возле христианской церкви, построенной в неороманском стиле. В нашей стране не было социальных классов, люди не делились на богатых и бедных. У нас существовала довольно оригинальная иерархия – против которой имел обыкновение выступать мой отец, – имеющая силу закона. Если для встречи товарища Тито школе предписывалось занять место в центре города, на улице, которая, разумеется, носила его имя, – а такая улица имелась во всех городах, – все сразу понимали, что это хорошая школа. Если же учеников размещали в отдалении, на периферии – как было в моем случае, – значит, школа не считалась хорошей.

• • • •

Заледеневшими руками мы толкали девчонок, дергали их за волосы, пинали друг друга, как обычные мальчишки. Взглядом я искал Снежану, которая была моим Тито. Мне больше не было стыдно. Я был готов обсудить с ней все проблемы, которые возникли у нас в отношениях. Наша учительница, метившая на место директрисы школы, привела наш класс первым на предназначенное ему место. Поэтому мы первыми выстроились в шеренгу. Я дернул за волосы некую Амру, которая заплела их словно крендели булочника Кесича. Когда я сказал ей, что она похожа на дочь булочника, она возразила:

– Мой папа – журналист. Не тот, кто продает журналы, а кто пишет в них статьи.

В этот самый момент мимо нас прошествовал 1 «Д» класс. Снежана Видович видела, как я дернул за волосы Амру. Она посмотрела на меня с легкой улыбкой, и издали мне показалось, что она что-то прошептала, прежде чем исчезнуть в толпе. Мне показалось, что она сказала «Я тебя люблю», но я не был до конца в этом уверен. В тот день дул сильный ветер, и возможно, мне просто все привидилось. Позже начался дождь, перешедший в мокрый снег, прежде чем превратиться в привычную сараевскую изморось.

• • • •

Внезапно напряжение, вызванное неминуемым появлением товарища Тито, усилилось еще больше. Перед нами пронеслась вереница гудящих «мерседесов» и обрызгала нас водой. Я ошеломленно озирался по сторонам, в то время как толпа аплодировала и размахивала руками.

– Но где же Тито? – спросил я учительницу.

Она дала мне подзатыльник.

– Там, глупый, ты что, его не видишь?! – прошептала она с затуманенным взором.

Моя учительница рассердилась, что я задал ей такой глупый вопрос в тот момент, когда ее экстаз достиг апогея. Тщетно я вставал на цыпочки, пытаюсь разглядеть маршала Йосипа Броз Тито, в то время как последний автомобиль удалялся в сторону Баскарсии. Так я впервые не увидел Тито.

• • • •

Некоторое время спустя полковник Видович, брови которого напоминали жестяные навесы, получил приказ о переводе в Словению. И моя первая любовь, Снежана Видович, так и осталась, на языке квартала Горица, «незавершенной любовью».

• • • •

Поездка к тете Бибе и путешествие на поезде до Варшавы были для меня не только первой вылазкой за пределы Югославии, но также грандиозным зрелищем, сцены которого, за окном нашего купе, сводились к бесконечным въездам в туннели и выездам из них. Свет и тьма, сон и пробуждение, жизнь и смерть.

– Ты слишком много думаешь для своего возраста! – сказала мне мать, когда я поведал ей о своих ощущениях.

В итоге я так утомился наблюдать за борьбой света и тьмы, что мать устроила меня в багажной сетке вместо чемодана, чтобы я мог отдохнуть и поспать. Именно так я и прибыл в Варшаву, лежа в багажной сетке над полкой, в то время как моя мать дремала, опираясь на чемодан, стоящий на ее коленях.

• • • •

Тетя Биба была не просто сестрой моего отца. Она оставалась самым влиятельным человеком в его жизни. Когда-то он последовал за ней к партизанам, и после войны она продолжала быть его путеводной звездой. Он не раз гулял в ресторанах Белграда с ее первым мужем, Славко Комарицей, и никак не мог свыкнуться с мыслью, что она вышла замуж за Любомира Райнвайна. В первом браке у моей тети родилась дочь Славенка. Супруги развелись по взаимному согласию после своего возвращения из Берна, где Славко был консулом. Они сохранили дружеские отношения. Славко был очень красивым мужчиной, рассказывали, что мало кому из женщин удавалось перед ним устоять. По возвращении из Швейцарии его обвинили в какой-то финансовой афере.

– На самом деле причиной стал его отказ отречься от матушки-России. С административной точки зрения они не могли его отправить в «Голи-Оток», – объяснил мой отец, считавший, что это дело было сфабриковано.

Комарица был моментально исключен из коммунистической партии. Если бы он не был хорватом, то непременно у годил бы в тюрьму.

• • • •

Самым большим удовольствием для тети Бибы было принимать у себя не только близких родственников, но и незнакомых гостей. Подобно большинству людей из нашей среды, она обожала тратить деньги на других, показывая таким образом, что у нее доброе сердце.

– Приглашать людей к себе и оказывать им гостеприимство – это для моей сестры психологическая подпитка, – говорил мой отец, провожая нас с матерью на вокзал, откуда мы отправлялись в Польшу, где новый муж тети Бибы, Любомир Райнвайн, работал корреспондентом официального югославского информационного агентства ТАНЮГ в Варшаве.

• • • •

Дядя Любомир, семья которого была родом из Австрии, хвастался, что его дед заведовал протокольным отделом в Цетине, при дворе черногорского короля Николы.

– Это чистый вымысел, он был поваром при королевском дворе! Бог мой, как же Любомир любит все приукрашивать! – говорила тетя Биба, чтобы у нас сложилось верное представление о предках Райнвайна.

• • • •

Мы поселились в их квартире в Варшаве. Моя тетя радостно щебетала, а Райнвайн, независимо от того, смотрели на него или нет, старался выглядеть изысканно. Аромат его одеколona навсегда отпечатался в моей обонятельной памяти. Он хохотал во все горло, и смех у него был заразительным. Если во время обеда у него возникала отрывка, которой он на манер древних римлян отдавал должное вкусной стряпне своей жены, даже в этом случае я ощущал лишь запах одеколona. Со своими аккуратно постриженными усиками, безупречной прической, походкой он сам был похож на заведующего протокольным отделом при королевском дворе.

• • • •

Единственной вещью, которая вызывала во мне большее восхищение, чем личность моего дяди, был аппарат под названием «телетайп». Эта волшебная машина могла отправлять письма из Варшавы в Белград. В целях безопасности мой дядя никогда не разрешал мне присутствовать при отправке своих текстов во время работы аппарата.

• • • •

Однажды я сидел, словно собачонка, под дверью рабочего кабинета Райнвайна и ждал, когда он закончит отправлять свои сообщения в Белград, поскольку дядя пообещал отвезти меня в большой магазин игрушек. Отправка текста заняла много времени, и я уснул прямо на полу, устав смотреть на полоску света, пробивающуюся из-под двери. В итоге дяде пришлось поехать на непредвиденный теннисный матч с послом Франции в Варшаве, и в магазин игрушек меня повезла тетя Биба.

• • • •

Когда я увидел тысячи кукол, маленьких поездов и самолетов, выставленных на прилавках четырех этажей самого крупного магазина игрушек в Варшаве, я чуть не лишился чувств.

– Ну что, малыш, выбрал, что тебе купить? – спросила меня тетя.

А я с разинутым ртом озирался по сторонам. И, забыв о наставлениях матери и своих твердых намерениях быть скромным, воскликнул:

– Всё, тетушка! Я хочу, чтобы ты купила мне всё!

СМЕРТЬ – ЭТО НЕПРОВЕРЕННЫЙ СЛУХ

В 1963 году я сделал свои первые шаги в мире кино, разгрузив полтонны угля в подвал одной из югославских фильмотек.

Для обогрева храма кинематографического искусства было приготовлено две с половиной тонны угля. Паша, Ньего, Труман и я вместе выполнили эту работу. Несмотря на то что Паша был самым сильным, он работал меньше всех, что не помешало ему забрать самую большую долю нашего общего заработка. Удивившись, я спросил своего отца, как такое возможно.

– Закон природы, сынок, – объяснил он. – Крупная рыба поедает мелкую рыбешку. Это называют дарвинизмом.

Получив деньги, Паша, Труман и Ньего отправились играть в покер, а я остался в фильмотеке, чтобы посмотреть фильм Жана Виго «Аталанта». Поскольку я сидел на самом краю первого ряда, домой я вернулся с сильнейшей болью в шее.

– Что с тобой? – забеспокоилась мать.

А я думал о Мишеле Симоне, который на корабле показывал главной героине фото обнаженной женщины со словами:

– Это я в детстве!

В том же году мой отец купил в кредит телевизор «*Philips*». Это приобретение стало настоящим прорывом в общественной жизни обитателей дома номер 16 Д по улице Ябушницы Авдо. Тем же вечером в новостях мы увидели кадры убийства Джона Фицджералда Кеннеди.

– Ужас! Такой красивый мужчина! – воскликнула моя мать.

Реакция отца была более сдержанной:

– Все они друг друга стоят. Нет ни одного американского президента, который не развязал бы войну.

– Он-то как раз и не развязал! – возразила мать, встав на защиту Кеннеди.

– Потому что не успел. Говорю тебе, женщина, они все одинаковые.

Соседи, собравшиеся у нас, молча пялились в экран. Сложно было понять, что их больше впечатлило: новость о покушении или то, что они впервые смотрели телевизор.

– Господи, Мурат, есть в тебе хоть что-нибудь, не связанное с политикой? – взорвалась моя мать.

– Во мне – есть, а вот в них – нет!

Отец не любил телевидение.

– Конечно, хорошо вовремя узнавать новости, но каждый вечер впускать к себе непрошенных гостей – это уже слишком...

Разумеется, он имел в виду дикторов и прочих журналистов, которых называл башковитыми. Мне казалось странным, что мой отец злится на гостей, поскольку он всегда любил компанию. Впоследствии я понял, что телепередачи стали для него удобным предлогом, чтобы вспылить, вырваться из дому и закончить вечер где-нибудь в кафе.

• • • •

Квартал Горица расположен на холме, возвышающемся над Сараевом. Здесь живут в основном цыгане, которых в городе называют индейцами или черными. С высоты горы Требевич кажется, что Горица лежит на земле. С улицы Тито ее не видно вообще. Если смотреть с Центрального вокзала, создается ощущение, что она парит в воздухе. На этот вокзал мы

с Ньего и Пашей ходили курить. Мы дожидались момента, когда поезд трогался с места, и стопкой газет шлепали по голове печальных пассажиров, которые высовывались из окон для последнего прощания со своими родственниками и друзьями. Раздавался забавный звук, и их настроение тут же менялось. Родственники и друзья не могли нас поймать, потому что мы были быстрыми как молния. Пока поезд набирал ход, мы с ближайшего холма со смехом показывали им поднятый вверх средний палец руки. Еще смешнее было рассказывать все это остальным приятелям возле старой бакалеи.

• • • •

Что касается меня, в Горице я не нуждался ни в чем. Лишь в первый год я сожалел, что там не было игровой площадки рядом с мостом Гаврило Принципа. Мне нравилось находиться на том самом месте, откуда Гаврило выстрелил в австрийского эрцгерцога, – как раз за комнатухой на улице Войводы Степы, где я родился. Позже я отдалился от Гаврило Принципа, чтобы взобраться на вершину Горицы, которую называют Черной горой. Оттуда город виден как на ладони. От места, где стрелял Гаврило – которое взрослые прозвали «могилой старика», – до ограды военного госпиталя я насчитал три тысячи тридцать шагов. С другой стороны, от вилл генералов до улицы Дюро Дьяковича, где ездили автобусы и роскошные автомобили, шагов было пять тысяч пятьсот шестьдесят.

• • • •

Я всегда останавливался на последней ступеньке улицы Ключка, поскольку осознавал, что нахожусь на границе, где заканчиваются пригороды и начинается город. Я был похож на каменную статую, нависавшую над вкладчиками с фасада Народного банка. Я с опаской смотрел на город, не осмеливаясь перейти на другую сторону. И вовсе не потому, что боялся нарушить наказ моей матери: «Ты не должен туда ходить, это опасно для жизни. Ты попадешь под машину».

Я не испытывал страха перед смертью, поскольку не знал, что происходит, когда люди умирают. Но какая-то сила удерживала меня по эту сторону границы. Если кто-то из города приходил к нам в гости и называл меня цыганом, я не считал это оскорблением. Все в центре города боялись цыган. Большинство живущих в центре не понимали, почему жители Горицы болеют за футбольный клуб «Сараево». Так называемые индейцы, по логике вещей, должны были поддерживать футбольный клуб «Железник», расположенный в их квартале.

• • • •

Квартал Горица плавно спускался к городу со своими домами, которые выглядели так, словно их разбросали сверху с самолета. С Черной горы взгляд скользил по крышам, тянувшимся в сторону города. Там жили бедные люди и горожане, по-прежнему считающие себя крестьянами. Лишь в одной части квартала – где как раз располагался наш дом – жили офицеры *JNA*¹⁹ и служащие.

¹⁹ *Jugoslovenska Narodna Armija* – Югославская народная армия.

• • • •

С наступлением темноты, когда я торопился домой, из-за изгороди доносилась громкая музыка и совершенно непонятные фразы:

– Мама, достань мне сигареты из холодильника!

Или:

– Брось мне зажигалку из водонагревателя!

Так жители Горицы пытались через забор донести до сведения своих соседей, что уровень их жизни улучшился, несмотря на нищенскую зарплату. Они работали сверхурочно или возделывали клочок земли за пределами города, который все называли «ранчо». На эти деньги они питались, а на зарплату, когда им удавалось накопить нужную сумму, покупали холодильники и водонагреватели.

• • • •

С точностью швейцарских часов каждый вечер мимо старой бакалеи Горицы нетвердой походкой проходил тот, кого Паша называл «рабом любви», – Алия-тряпка. Он был известен в квартале тем, что стирал нижнее белье своей жены Самки и любил пятидесятиградусную ракию²⁰.

– Алия-тряпка у своей жены под пяткой! – бросал Паша, в последнюю секунду уворачиваясь от кулаков захмелевшего великана.

• • • •

Алия-тряпка жил за оградой, на которой висел голубой ржавый номер «54», на улице Краиска. Для мужчины из Горицы стирать белье своей жены означало настоящее унижение. Никто в этом не сомневался, особенно мы, пацаны квартала. На вокзале Алия носил фуражку с номером «14» и таскал в руках чемоданы и прочий багаж. В это время Самка принимала у себя любовников. Алия пил и ничего об этом не знал или прикидывался идиотом.

– Когда хлещешь пятидесятиградусную водку, получаешь то, что заслужил! – говорили соседи.

А мы, мальчишки, бегали за ним и кричали:

– Алия-тряпка у своей жены под пяткой!

Шел ли дождь, падал ли снег, светило ли солнце или свистел ветер, ответ всегда был неизменным:

– Алия имеет вашу мать!

Гигант возвращался с вокзала, держа в руках воображаемый багаж, и, пошатываясь, поднимался по улице Краиска, уверенный, что пятидесятиградусная водка и погодные неприятности ему нипочем.

– Дождь на Алию поливает, солнце его обжигает, ветер стегает, но он ничего не замечает, – бормотал он.

²⁰ Сливовая или иная фруктовая водка. – *Примеч. пер.*

• • • •

Прислонившись спиной к ограде дома номер 54 по улице Краиска, мы встречали осень. Алия отправился на вокзал, и мы со всех ног бросились к дырке в заборе, через которую обычно подглядывали за Самкой. До нас доносилась песня: «Этим вечером сердце рыдает, этим вечером грусть на душе».

Мы толкали друг друга, пока Харо, брат Паши, наблюдал за Самкой.

– Хорошо, милашка, Бог наградил тебя здоровьем! – комментировал он.

Харо держал руку в кармане, и мы слышали его прерывистое дыхание.

– Что она там возится, словно с собственным братом! – Затем он добавил: – Еще, малышка, еще!

Он вращал рукой в своем кармане. Я спросил у Паши, что такое делает его брат.

– Это карманный бильярд, придурок! – ответил он мне.

Когда подошла моя очередь, я приник к дыре в заборе и засунул руку в карман. Я смотрел на Самку, которая, на мой взгляд, не делала ничего особенного, и шарил рукой в кармане, чтобы не выглядеть идиотом. Она сидела в большой ванне, наполненной водой, которая стояла посередине сада, и методичными движениями сплющивала свою грудь ладонями, опуская ее вниз. Она смеялась, довольная своей грудью, которая после этого сама подскакивала вверх.

Мне вспомнился урок истории о Копернике: сколько у него было проблем с Церковью, когда он доказывал существование закона гравитации. И как ему досталось от этой самой Церкви, утверждавшей, что такого явления не существует!

Мои мысли от Коперника вернулись к тому, что происходило в саду. Самка взяла со столика горшок с ветвью, усеянной мелкими помидорами. Она сорвала один, затем второй и так далее. Она клала их между грудями и раздавливала один за другим, брызгая струей томатного сока. Она была похожа одновременно на актрису цирка, репетирующую свой номер, и на обычную домохозяйку. Этот номер сводил ее клиентуру с ума. И сейчас клиент не мог больше терпеть. Его крик раздался над Горицей, как вопль Тарзана в джунглях:

– Аааааа!!!

Затем он прыгнул в облупившуюся ванну, наполненную водой. Теперь настала очередь Самки кричать от наслаждения.

– Это и есть оргазм? – осведомился я.

– Нет, придурок, это приступ астмы, разве не видишь? О-о-о! – ответил Харо.

• • • •

Мы наблюдали за садом Алии, словно это был лучший из фильмов. Мы собственными глазами видели, как великан стирает нижнее белье Самки. Никто из нас не сомневался, что однажды Алия застанет свою жену на месте преступления и убьет ее. И мы сможем непосредственно наблюдать за этим убийством. Мы терпеливо ждали этого момента.

• • • •

Обычно Алия ничего не говорил. Он также никогда не улыбался. Одни считали его умственно отсталым, другие, наоборот, мудрым. Мы были уверены, что помимо водки и своей кошки Аиды он любил Самку, которая его не любила. Алия гладил кошку, глядя ей

прямо в глаза. Кошка млела от восторга. Это могло продолжаться бесконечно, если бы Алиа не сумел справиться с избытком своих эмоций.

Однажды, когда кошка лежала на спине и он гладил ее обеими руками, он внезапно схватил ее за шею и задушил двумя пальцами. Мы с Пашей прижались к забору, испуганно глядя друг на друга. Мы слышали, как кошка пищит и задыхается. За изгородью послышался плач Алии, затем над нашими головами пролетел труп задушенной кошки. Пока покойная Аида летела над садами Горицы, над забором показалось лицо Алии. Он плюнул через наши головы вслед животному.

– Алиа имеет твою мать! – крикнул он.

Я почувствовал на себе плевков Алии. И почему-то вспомнил, как когда-то меня укусила немецкая овчарка, сбежавшая из военного госпиталя.

• • • •

Шокирующая сцена убийства кошки не помешала нам на следующий день снова бежать по улице Краиска и кричать вслед Алие:

– Алиа-тряпка у своей жены под пяткой!

Опасность угодить в лапы Алии заставляла нас дрожать от страха, но нас неудержимо тянуло к нему невидимым магнитом, заставляя ходить по лезвию ножа. Словно мы сами были готовы попасть к нему в руки и кончить так же, как кошка Аида.

• • • •

В 1963 году зима обрушила на Сараево полтора метра снега. Стояли каникулы, и Паша хвастался перед всеми своей отличной оценкой по математике. В это сложно было поверить, но в его школьном дневнике действительно красовалась запись: «Хаджиосманович Фахрудин, математика – отлично». Ходили слухи, будто он застал учителя математики с Самкой. Последний оказался ее клиентом, и в тот день Паша стоял, прикинув к дыре в заборе. Когда он увидел, как в сад входит учитель Кураица, то не поверил своим глазам. Ведь учитель был женат и имел троих детей. Паша посмотрел, как Самка исполняет свой обычный номер. А когда дело было кончено, подстерег Кураицу у выхода:

– Сечешь, почему ты должен мне поставить «отлично» по математике?

Кураица кивнул.

– Если вздумаешь обмануть, – предупредил Паша, – у меня есть еще два совершеннолетних свидетеля. Все понял?

– Да.

Это вмешательство Паши не понравилось Самке.

– Ах ты, поганец! Не смей трогать моих клиентов, мать твою так-то! – кричала она, пытаясь ударить его ржавой ручкой сковороды, попавшейся ей под руку.

В конце семестра Кураица больше не преподавал математику в школе «Хасан Кикич». Его перевели на соседний холм, где он продолжил свою деятельность в школе «Миленко Цвиткович».

• • • •

Однажды я пересек невидимую границу между периферией и городом и отправился на фильм «Птицы» Альфреда Хичкока в кинотеатр «Рабочий». Фильм не казался таким уж страшным, но время от времени в зале раздавались комментарии:

– Ну что, наложил в штаны, братишка?

– Да, но только не в штаны, а под окном твоей матери!

Бимбо по прозвищу Спрей положил конец перебранке, включив свет. Показ остановился, затем охранники кинотеатра отработанными движениями схватили нарушителей, чтобы передать их полиции. Бимбо сначала опрыскал Силью своим дезинсекционным спреем, после чего выпроводил из зала вместе с тремя остальными «индейцами». Когда появились полицейские, публика перестала свистеть, и можно было услышать, как летит муха. Затем свет погас, и все зааплодировали. Как только показ продолжился, кто-то в глубине зала смачно выпустил воздух. С первого ряда Ибро Зулич бросил:

– Молись, чтобы такую музыку сыграли на твоей могиле!

Первые кадры произвели такой эффект, которого не смогли добиться ни Бимбо Спрей, ни полиция. Тишина воцарилась в зале в тот самый момент, когда на экране женщина остановилась возле школы, расположенной где-то в американском пригороде. Ее взгляд устремился к электрическим проводам. Она увидела сначала одну птицу, потом нескольких. Их становилось все больше и больше. И когда они начали резко снижаться над школой, в зале установилась мертвая тишина. На экране испуганные школьники бежали к школе, преследуемые птицами. Именно этот момент выбрал Харо, младший брат Паши, чтобы вытащить из-за пазухи своего пальто двух голубей, которых он бросил в зал, издав безумный вопль Тарзана. Пока люди с криками бежали к выходу, Паша орал изо всех сил, стараясь перекрыть стук деревянных кресел:

– Ну что, уроды, сдрейфили?

• • • •

В этом году зима была такой суровой, что мать не уставала повторять:

– Вот это, сынок, принято называть собачьим холодом!

Для фильмотеки была заказана дополнительная тонна угля.

Паша больше не хотел заниматься грязной работой. Ньего подстраховывал уличных торговцев возле рынка в Марьином дворе. Эту тонну угля перебросал в подвал фильмотеки за рекордно короткое время Алия-тряпка, и благодаря ей он пережил настоящее любовное потрясение, став жертвой мирового кинематографа. Алия посмотрел фильм с Клодетт Кольбер и Кларком Гейблом в главных ролях под названием «Это случилось однажды ночью». Любовь между Клодетт и Кларком наполнила его сердце теплом. Некоторые утверждают, что в тот момент на его лице впервые появилась улыбка. Счастливая любовь, восторжествовавшая, несмотря на все перипетии, наконец согрела его душу. Больше всего ему нравился момент, когда Кларк Гейбл улыбался и целовал Клодетт. Она не возражала, и Алия подумал, что целовал свою жену всего два раза в жизни. Первый раз – на свадьбе, второй – когда умерла Седья, мать Самки. Когда он вышел из кинотеатра, все смешалось в его голове. Теперь он знал, что ему нужно отрастить усы. Тонкие и изящные, от носа до уголков губ. Но больше всего он думал об улыбке Кларка Гейбла.

• • • •

Отныне мы смотрели, как он взбирается по заледеневшей улице с неизменной улыбкой на губах.

– Он похож на бабуина, которому дали орехов в Долине пионеров, – усмехался Паша.

Алия-тряпка ходил в фильмотеку еще два раза, поскольку у него оставались билеты за разгрузку тонны угля. В другом фильме Кларк Гейбл целовал вовсе не Клодетт Кольбер, а

совершенно незнакомую актрису. Не в силах вынести измену Кларка Клодетт, Алиа решил больше не ходить в кино.

• • • •

Той же зимой на большое сердце и маленький мозг Алии-тряпки обрушились великие события. Сначала Самка сбежала в Загреб вместе с коммивояжером Михальо Джорджевичем. Несчастье и суровая зима заставили Алию пить больше обычного. Единственной вещью, согревавшей ему сердце, помимо пятидесятиградусной водки, был образ Кларка Гейбла с его усиками, который напоминал ему счастливый конец фильма «Это случилось однажды ночью». Размышляя о невзгодах, преследующих его всю жизнь, Алиа задавался вопросом, почему Господь не дал ему умного и богатого тестя, как в этом знаменитом фильме. Там, в хеппи-энде, богатый отец призывает свою дочь убежать с собственной свадьбы, чтобы воссоединиться со своим любимым. В реальной жизни Алии жена оставила его, даже не попрощавшись.

На вокзале, где мы с Ньюго и Пашей подстраховывали незаконных перекупщиков – Томислава из квартала Ковацица и Деду с торговой площади, – пассажиры обходили Алию стороной. На его лице сияла привычная улыбка, и от него за версту несло водкой.

• • • •

Вечерами мы продолжали его преследовать на улице Краиска, крича:

– Кларк Гейбл стирает трусы своей Клодетт!

– Дождь на Алию поливает, солнце его обжигает, ветер стегает, но он ничего не замечает, – неизменно отвечал он.

Мы шли за ним по пятам и орали:

– Алиа-тряпка у своей жены под пяткой!

Он оборачивался и бросал:

– Кларк Гейбл имеет вашу мать!

Той ночью выпал снег.

Затем пошел дождь, и наконец выглянуло солнце. Обманчивое мартовское солнце, быстро скрывшееся за огромной тучей, вернувшей зиму назад.

• • • •

Пока жизненные невзгоды преследовали Алию-тряпку, в кинотеатре «Радник» шли новые фильмы, с более легким содержанием. В пятницу, в одиннадцать часов вечера, молодежь из кварталов Коваца, Марьин двор и Хрид хлынула в кинотеатр. После показа фильма «Убей всех и беги» между Пашей и Кенаном с Косевского холма возникла потасовка. Несмотря на сомнительный исход драки, мы считали, что Паша как следует поквитался с Кенаном.

• • • •

Алиа-тряпка провел лето в центральной тюрьме за нанесение побоев знаменосцу первого класса в отставке. Это случилось в вокзальном буфете, где обвиняемый и пострадавший пили ракию. Все шло хорошо до того момента, пока знаменосец не заподозрил Алию в том, что тот над ним насмехается, чего военный человек его положения стерпеть не мог.

Сначала знаменосец сказал, что не любит, когда всякие уроды строят ему гримасы. И еще больше оскорбил Алию, заявив, что тот похож на бабуина, который улыбается, когда ему дают орехи. Алия отсидел свой срок без инцидентов, затем его брат, как сказал Кроха, забрал его к себе в Високо. Этот Кроха прославился тем, что остался в живых после падения с вертолета. Брат увез к себе Алию, чтобы тот скорее восстановился. Там Алия довольно быстро пришел в себя, но вскоре снова принялся за старое. Позже он вернулся в Сараево, где его состояние настолько ухудшилось, что даже мы молча смотрели ему вслед, когда он зигзагами поднимался по улице Краиска. В то время кинотеатры Сараева перестали демонстрировать фильмы с участием Кларка Гейбла. С Ритой Хейворт – тем более. А с Клодетт и Кларком – больше никогда. От Самки не было никаких вестей...

• • • •

Мы возвращались из кинотеатра «Радник», где показывали фильм «Самый длинный день». Фильм шел три с половиной часа. Мы решили, что это также самый длинный фильм за всю историю кинематографа. Когда мы проходили мимо кинотеатра «Сутьеска» на улице Горуса, я остановился, чтобы затем измерить эту улицу, поднимающуюся к Черной горе. От начала улицы до адвентистской церкви я насчитал триста тридцать шесть шагов. Слабый свет падал на каменные ступеньки, на которых я различил чье-то лицо. В темноте лежал мужчина. Он не шевелился. Охваченный паникой, я помчался за Пашей. Он прибежал, приник ухом к сердцу мужчины и сообщил:

– Замерз наш Кларк Гейбл!

Стояла зима, и Алия сохранил свою улыбку. Пока мы несли его легкое холодное тело к дому номер 54 по улице Краиска, меня обдало жаркой волной. Я думал об Алие, которого поливал дождь, обжигало солнце, стегал ветер, но он ничего не замечал. От разорванного плаща несло водкой. В кармане я нашел фотографию Кларка Гейбла, улыбающегося Клодетт. Черно-белая фотография была смята. Лишь вернувшись домой, я принялся плакать и не мог объяснить матери причину своих слез. Она настояла на том, чтобы я закрыл глаза и начал считать овец, надеясь, что так я усну. Но мои глаза отказывались закрываться, они смотрели на акацию, гнущуюся под ветром, на ее шелестящую листву, в то время как крепления бельевой веревки скрипели с монотонным звуком, который усиливал мой страх смерти.

• • • •

Перед рассветом из Белграда на скором поезде «Босна» приехал отец. Он разобрал чемодан и положил свои брюки возле меня на диван. Он поцеловал меня, и я притворился, что сплю, несмотря на то что мое сердце билось так сильно, словно я пробежал стометровку. Отец развязал галстук, снял пиджак и направился к холодильнику. Пока он доставал оттуда кастрюлю с остатками холодной еды, я произнес сквозь слезы:

– Я видел мертвого человека!

Поставив на плиту кастрюлю с фаршированными виноградными листьями, он подошел к дивану, сел рядом со мной и тихо сказал:

– Смерть – это непроверенный слух, сынок.

Я взволнованно смотрел на отца, а он улыбался.

– Никто еще не умирал для того, чтобы проверить, что там на самом деле происходит, и никто не вернулся сюда, чтобы все нам рассказать. Не думай больше об этом. Тетя Биба приехала из Варшавы. Она передает тебе привет и джинсы «Levi Strauss».

Я во все глаза смотрел на отца, держа в руках свои первые джинсы. И со скоростью Гагарина, несущегося через космическое пространство, принял мысль о том, что смерть – это непроверенный слух.

– Как поживает тетя Биба? – спросил я отца, в то время как он вытирал мне слезы тряпкой.

– Как она может поживать? Они вернулись из Варшавы и, представь себе, застали семейство Райнвайнов в своей квартире на площади Теразие! Была договоренность, что они присмотрят за квартирой в их отсутствие, но по возвращении хозяев из Варшавы тут же вернутся к себе. Но, судя по всему им очень понравилось жить на площади Теразие, и Биба опасается, что не сможет их выселить даже при помощи бульдозера!

– Как это – не сможет выселить? А дядя Любомир что говорит?

– Да ему на это плевать. Он целыми днями играет в теннис с генералами в престижном квартале Дединье, тогда как моя сестра вся извелась. Бедняжка поселилась в отеле «Балкан» и плачет днями напролет, ожидая пока шайка Райнвайнов освободит ее квартиру.

– А что они говорят, у них есть какое-то объяснение?

– Что говорят? Заводилой у них его мать: «Любомир все равно получил новое назначение в Прагу корреспондентом ТАНЮГ, и нам опять придется присматривать за квартирой. Поэтому им проще провести месяц в гостинице, чем нам бесконечно переезжать с места на место!» У меня возникает непреодолимое желание сломать нос этому Любомиру и вырвать ему усы! Он женился на моей сестре только из-за выгоды!

– А почему мужчины женятся на женщинах, когда нет никакой выгоды? – спросил я, сделав вид, что понимаю проблемы взрослых.

– Из-за любви, разумеется!

– Получается, что дядя Любомир не любит тетю Бибу?

– Любомир Райнвайн? Да он любит только свою собственную физиономию!

• • • •

Мне было трудно поверить в то, что мой отец говорит о дяде Любомире. Поскольку в моем воспоминании по-прежнему присутствовал запах одеколона дяди, а также потому, что он умел выразительно молчать, создавая впечатление серьезного мужчины, постоянно размышляющего о чем-то важном. Я не держал на него зла за то, что от долгого ожидания уснул под его дверью, ни за то, что он так и не свозил меня в самый крупный магазин игрушек Варшавы. Я понимал, что информация, циркулирующая между Варшавой и Белградом, была намного важнее. И потом, мой дядя обладал искусством превращать самые простые действия в деяния чрезвычайной важности.

• • • •

В то утро, когда моему отцу удалось изгнать мой страх смерти, я понял, что в жизни мальчика отец играет первостепенную роль. Что бы ни говорили ребята Горицы, любившие клясться «своим покойным отцом», чтобы придать себе значимости. В своей погоне за авторитетом многие произносили эту клятву, несмотря на то что их отцы были живы и здоровы.

ТО, ЧТО НАВЕРХУ, – ВНИЗУ. ТО, ЧТО ВНИЗУ, – НАВЕРХУ

В 1967 году Юрий Гагарин погиб в авиакатастрофе. Год спустя футбольный клуб «Сараево» стал чемпионом Югославии. В том же году песня Тома Джонса «Дилайла» стала настоящим хитом²¹. Когда парень хотел сказать девушке: «Ты сводишь меня с ума, ты – супер», он говорил ей: «Малышка, ты – Дилайла!»

Вся молодежь мечтала обуться в «*Madras*» и «*Brooks*». Повсюду в мире стали модными ботинки «*Brooks*». Ребята носили их, чтобы танцевать и кадрить девчонок. У нас они пользовались популярностью совсем по другим причинам: если хорошенько врезать заостренным мысом ботинка «*Brooks*» по голени противника, исход драки решался в первую же минуту. После такого удара ему оставалось лишь прыгать на своей здоровой ноге и стонать:

– Остановись, ради твоей матери, хватит!

Однако в банде остались типы старой закалки, которые хранили верность «сантьягам»²². Ньего, самый маленький из нас, безошибочно целился в голень своими «сантьягами». Удар был настолько болезненным для противника, что он тут же выходил из игры.

– Ну и что ваши дерьмовые «бруксы»? Сплошная показуха! Вот когда острый мыс моего «сантьяга» впивается в ногу, искры из глаз сыплются!

• • • •

В том году я играл в футбольной команде «Пионеры Сараева» в матче, предшествующем встрече «Сараево» – «Олимпиакос» на чемпионате Европы по футболу. Два моих маневра вызвали аплодисменты зрителей, которые заполнили стадион «Косево», не оставив ни одного свободного места, как любил говорить спортивный комментатор Мирко Каменьясевиич. В первый раз я провел мяч между ног защитника команды противника, а во второй раз осуществил двойной пас пяткой вместе с Бркой Ферхатовичем, племянником знаменитого футболиста Асима Ферхатовича. После окончания матча тренер Младен Стипич попросил меня обратиться к нему весной, когда я немного окрепну.

Весной я не стал напоминать ему о себе, поскольку знал, что дело вовсе не в моей силе.

– Ты хорошо играешь, у тебя есть мозги, ты сообразителен, но ты – мальчик из хорошей семьи, а не парень с улицы. Для тебя футбол – всего лишь развлечение, ты не вкладываешь в него душу, лучше посвети себя учебе, – ласково посоветовал мне помощник тренера Срболоб Маркусевиич.

• • • •

Это было время, когда студенты всего мира выступали против несправедливости. В Сараеве молодежь тоже старалась не отставать от своих ровесников с Запада. На экономическом факультете, следуя примеру коллег из Колумбийского университета, студенты организовывали акции протеста, распевая: «*All we are saying, is give peace a chance*» и раскачиваясь вперед, назад, вправо, влево. Загвоздка состояла в том, что они не знали текста всей песни,

²¹ Здесь небольшая путаница в датах. Юрий Гагарин погиб в марте 1968 г., футбольный клуб «Сараево» стал чемпионом Югославии в 1967 г., а вот песня «Дилайла» (*Delilah*) действительно взлетела на пик популярности в 1968-м. – *Примеч. ред.*

²² Сапог с острым носком и скошенным каблуком. – *Примеч. пер.*

поэтому продолжали так: «О! Лола, Лола, тебе известно, что я не миллионер...» – словами из песни Владимира Саввича по прозвищу Чоби²³.

• • • •

Армандо Морено был невысоким мужчиной, сварливым, но привлекательным. У него были крупные глаза, большой нос, широкий рот и несколько редких волосинок на лысом черепе в форме яйца. Он работал в филиале югославской авиакомпания *JAT*. Армандо часто бывал у нас в гостях. Он играл неаполитанские мелодии на своей гитаре, и, что удивительно, на обеих руках у него были татуировки. Мне казалось немыслимым, что человек, не относящийся к цыганам, может носить татуировки.

– Понимаешь, сынок, он – еврей, он был в концлагере Дахау, – объяснила мне мать.

Однажды в воскресенье, когда Морено был у нас дома и пел песни Адриано Челентано, я ввалился в коридор, преследуемый тремя ребятами из клана Сейдичей, которые собирались задать мне взбучку. Я отвязал их трехколесный мотороллер и пустил вниз по улице Горуса. На моих глазах он разбился о стену Военного госпиталя. Я сделал это в отместку за то, что члены шайки Сейдичей вымогали у меня плату за вход в старую бакалею.

Неожиданно Армандо схватил меня за руку, вывел на лестничную клетку и быстро уладил конфликт своим громовым голосом. Чтобы прогнать Сейдичей, он орал так, что в серванте звякала посуда. После этого он привел меня обратно в столовую, погладил по волосам и усадил к себе на колени, хотя я был выше его ростом. Затем он затянул песню. Все принялись хлопать в ладоши в такт песне «*Venti quattro mille baci*». Даже мои отец с матерью обнялись и раскачивались влево и вправо. Морено взял в руки гитару. Всякий раз, когда он брал новый аккорд, на его левой руке показывался вытатуированный номер. На другой руке была изображена татуировка в виде двух наложенных друг на друга треугольников.

– Куда ты все время смотришь? Это звезда Давида, – пояснил он, когда заметил, с каким интересом я ее рассматриваю. – Давид был еврейским царем, – уточнил он, заметив мое удивление.

Я спросил его, что означают эти треугольники.

– Вставай, я тебе объясню, – ответил он.

Когда я встал, он указал пальцем на ширинку моих брюк.

– То, что внизу...

Я быстро опустил голову и покраснел как помидор, потому что все смотрели на меня.

– ...также находится наверху, – сказал он, показав на верхнюю часть моей головы.

Я взволнованно переводил взгляд с его ширинки на голову и обратно, в то время как он повторял:

– Стало быть, то, что наверху, также находится внизу.

Смутившись, я не стал дожидаться окончания и с горящими щеками бросился прочь из дому под всеобщий взрыв смеха. И помчался на самый верх Горицы.

• • • •

Я отправился туда той же дорогой, какую однажды выбрал просвещенный воитель Мустафа Мадьяр, чтобы спуститься в Сараево. Там, на турецком базаре, он был убит неизвестным мерзавцем, что только подтвердило мнение Мустафы о том, что мир полон зла.

²³ Один из самых успешных исполнителей поп-музыки на территории бывшей Югославии. – *Примеч. пер.*

• • • •

Примчавшись на Черную гору, я остановился и прислушался. Все мое тело содрогалось от ударов сердца и древней еврейской мудрости: «Что внизу – то наверху, что наверху – то внизу». Я сел и принялся разглядывать Сараево, который был внизу, и небо над ним. Вскоре опустилась ночь, и постепенно в городе зажглись огни. Несколько влюбленных парочек из Горицы попали в поле моего зрения. Это было похоже на любовную туристическую экскурсию к «могиле старика». После таких экскурсий женщин называли «несчастливыми».

Я взобрался на самую вершину, прямо над могилой. Я не мог четко видеть, что было наверху, а что внизу. Хотя вокруг не было ни души, я убедился, что никто на меня не смотрит, и опустил голову вниз. Теперь Сараево был наверху, а небо – внизу. Я оставался в такой позе, пока у меня не заболела шея. Затем, когда я выпрямил голову и она заняла свое привычное положение, все вернулось на свои места: Сараево был внизу, а небо – наверху. Бросив взгляд на «могилу старика», я увидел, как одна «несчастливая» удаляется в компании более взрослого парня. Я со всех ног бросился к могиле, решив и там опробовать свой метод. Мне очень понравилось разглядывать так церковь в Марьином дворе и поезда, плывущие высоко над землей, в то время как бездонное небо расстилалось внизу. Впервые в своей жизни я понял, что еврейская мудрость звезды Давида воплотилась в образе моего родного города. Почему мне пришлось перевернуть все вверх ногами, чтобы эти вещи предстали передо мной так отчетливо? То, что было внизу, также находилось наверху, то, что было наверху, также было и внизу. Стояла ночь, и мой мозг переполнился кровью.

• • • •

Паша, Харо, Ньего и я сидели, прислонившись к «могиле старика». Было очень жарко, и мы решили наконец перестать быть детьми. Перед нами стоял бидон красного вина. Мы курили сигареты «Герцеговина» без фильтра. Бидон переходил из рук в руки. Солнце было в зените, и Паша спросил нас, пьяные ли мы. Когда мы ему ответили, что нет, он ухмыльнулся.

– Тогда будем пить вино маленькими глотками, мой брат так пробовал, – сказал он. – Так быстрее захмелеешь.

Мы принялись медленно потягивать дешевое вино. Очень быстро нас одолел неудержимый смех, а затем закружилась голова. Мы двигались по заросшей травой тропинке, как три сомнамбулы, пошатываясь каждый в свою сторону. В итоге мы упали, сраженные плохим вином и обжигающим солнцем, и погрузились в сон. Глубокий мужской сон. Мы больше не хотели быть детьми.

Мы проснулись целую вечность спустя, когда девочки из Банья-Луки²⁴ высадились в Сараево. Их дома и школы разрушило землетрясение, и они приехали в наш колледж, чтобы наверстать школьную программу.

Пока они высаживались из автобусов и перетаскивали свои вещи в дом отдыха, мы наблюдали за ними, чтобы заранее выбрать ту, которую каждый из нас поведет к «могиле старика». У Паши уже была своя Мирсада, для него она значила столько же, сколько для меня Снежана Видович, только у них была так называемая завершенная любовь. С немалой долей осложняющих обстоятельств. Все эти девочки, только что прибывшие из Банья-Луки, были потенциальными «несчастливыми». Мне понравилась Невенка, а Харо – Мелиха.

²⁴ Город на северо-западе Боснии.

• • • •

Вьекослав Сепаревич, отвечавший за социальную помощь, пришел на урок сербохорватского языка, чтобы прочитать нам лекцию о том, что мы должны проявить человеческое сочувствие к нашим гостям из Баньи-Луки:

– Эти семьи лишились крова, их дома были разрушены сильнейшим землетрясением. Наше государство решило вопрос с их временным жильем. Со своей стороны постарайтесь протянуть им дружескую руку помощи. Как настоящие товарищи. Протяните им руку, чтобы я не сломал вам ноги, – в шутку добавил он, несмотря на свой серьезный вид.

Что касается последней фразы, мы поверили ему на слово. Прежде чем уйти, ответственный социальный работник сказал тоном, не терпящим возражений:

– И прошу вас, никакой близости между мальчиками и девочками, вы уже не дети. Одно бесконтрольное прикосновение может привести к более тесному контакту, который может закончиться преждевременной эякуляцией и, не дай бог, положить начало новой жизни.

Месяц спустя мы узнали, что его арестовали за расхищение казны скаутов подразделения Саво Ковачевича, которым он заведовал. И тогда нам стало понятно, что отныне близость разрешена, так же как и «эякуляция», хотя не совсем понимали значение этого слова.

• • • •

То, что наверху, – внизу, то, что внизу, – наверху! Я сидел на «могиле старика», тщательно сосредоточившись, поскольку ждал Невенку. Я размышлял над тем, что мужчина и женщина могут рассказывать друг другу, когда остаются наедине. Мне никак не удавалось придумать, с чего начать разговор... Спросить, есть ли у нее брат? Интересно, ее родные живы? Сколько ей лет? Или сменить тему разговора? Я опасался, что плохо разглядел ее. Что она показалась мне красивее, чем была на самом деле.

• • • •

Внезапно показалась она. Оцепенев, я не сводил с нее глаз и сразу увидел, что она была не так красива, как я себе представлял. Но и дурнушкой ее нельзя было назвать. Ее грудь была больше, чем мне показалось вначале, когда я стащил у нее рогалик на перемене. Она спросила, сколько мне лет, и я ответил:

– Четырнадцать.

– Ты выглядишь старше, – удивилась она.

Я промолчал.

Она посмотрела в сторону города. Я чувствовал, как мое волнение нарастает.

– У тебя красивые глаза, – произнесла она.

Я смотрел на нее, открыв рот, как Белин, вратарь «Динамо», когда Асим Ферхатович неожиданно оказался в его воротах на стадионе «Максимир» в Загребе и «Сараево» выиграл у «Динамо» со счетом 3:1.

Я не мог выдавить из себя ни слова. Ответить ей комплиментом? Если я скажу: «У тебя тоже красивые глаза», она решит, что я над ней издеваюсь. Ее лицо было повернуто к городу. А я бы сейчас предпочел оказаться где-нибудь в Гренландии, но не на «могиле старика».

Первая фраза, которую я произнес по собственной инициативе, прозвучала жалко. У меня пересохло в горле, поэтому я решился:

– Что-то так пить хочется! Не знаю, что со мной.

Она на секунду обернулась ко мне:

– Так странно, у вас здесь нет реки, а вы пьете лучшую воду в мире. У нас, в Банье-Луке, рядом протекает Врбас, но мы почему-то пьем плохую воду.

Невенка подошла ко мне, взяла мою руку и посмотрела мне прямо в глаза. По ее взгляду я понял, что она намного старше меня. Я слегка отодвинулся, сделав вид, что страдаю близорукостью.

– Я тебя лучше вижу, когда ты не так близко.

Она продолжала держать меня за руку и улыбаться. Я прислонился к могиле и ощутил короткое облегчение от прикосновения к прохладному камню. Невенка снова приблизилась и поцеловала меня в уголок рта. Я отработанным движением опустил голову вниз, словно собирался встать на руки, опираясь на камень. Она рассмеялась и спросила:

– Что с тобой, дурачок?

• • • •

В этом положении я смотрел на свой любимый пейзаж, в котором все было наоборот. Сараево плыл в небе, а небо – на месте Сараева. Ночь была полна звезд, и картинка получилась очень красивой. И внизу, иверху все блестело. Я ощутил невероятную легкость. Впервые в жизни я больше не чувствовал своих мышц, что придавало мне непривычное ощущение невесомости. Подобно индейцам, танцующим вокруг костра, я твердил:

– Что внизу – то вверх, что вверх – то вниз.

Я больше не пытался постичь еврейскую мудрость. Я стоял вниз головой и слушал Невенку.

– Что ты там бормочешь? Иди ко мне!

Город полностью растаял в звездной глубине неба. Словно два треугольника слились в звезде Давида. Я перестал осознавать происходящее, меня больше ничего не беспокоило. Я почувствовал, как кровь разливается по всему моему телу. Сверху вниз, снизу вверх. В своих руках я держал зрелую грудь женщины. Сосок был похож на конфитюр на сдобной булочке. Я смотрел то налево, то направо, как в игре в пинг-понг. Тогда Невенка взяла мою руку и опустила ее вниз. Моя кровь устремилась кверху. Я посмотрел вниз и вспомнил Армандо Морено и песню «*Venti quattro mille baci*»!

Через год после того, как я узнал тайну звезды Давида, первый человек ступил на поверхность Луны. В Горице утверждали, что это был обычный голливудский трюк. Говорили, что все было снято в Сахаре и что Армстронг никак не мог побывать на Луне. Так считали те, кто поддерживал русских в оппозиции блоков в разгар «холодной войны».

– Можно подумать, что Гагарин, первый побывавший наверху, не мог бы пройти по Луне!

Один из соседей, родом из черногорского карстового региона, презрительно комментировал это событие:

– Что, так необходимо было лететь за камнями на Луну? У нас в Даниловграде этих камней столько, что девать некуда!

• • • •

Я принадлежал к меньшинству Горицы, верившему в то, что человек действительно побывал на Луне. Не потому, что я был умнее других, просто меня не привлекали простые решения – я всегда предпочитал сложные пути. После трагической гибели Юрия Гагарина мой интерес к Вселенной резко упал. В ту пору меня гораздо больше привлекало то, что находится внизу, чем то, что было наверху.

• • • •

– Мурат, – вздыхала мать, глядя по телевизору на двух американцев, прогуливающих по Луне, – люди уже на Луну полетели. А мы когда переедем на новую квартиру?

Отец делал вид, что спит, и это побуждало мать настаивать и приводить доказательства тягот жизни в Горице.

– Никогда ты не добьешься того, что тебе положено, попомни мои слова! Только подумать, помощник министра информации живет в полуторакомнатной квартире!

Мурат конечно же не спал. Вытянувшись на диване, он одним глазом смотрел на прогулку по Луне, а другой держал закрытым. Так он надеялся избежать очередного нравоучения Сенки.

– Господи, Мурат, неужели я обречена до конца своей жизни кипятить воду, чтобы принять ванну, и разжигать печь, чтобы согреть квартиру? Кто-нибудь надо мной сжалится, наконец? – причитала Сенка. – Разве я не имею право на центральное отопление?

– Право имеешь. Осталось лишь его применить! – возразил отец, который устал прищуривать один глаз и молчать.

– Мало тебе моих мучений, еще и издеваешься надо мной?!

– Не гневи небеса, Сенка, нужно уметь довольствоваться тем, что имеешь. Представь, что однажды кто-нибудь нам скажет, подобно евреям, посылающим кому-нибудь проклятия: «Чтобы Бог дал тебе все и забрал у тебя все!» Поскольку у нас ничего нет, нам и терять нечего.

Было сложно вести подобные беседы с моим отцом. Для него обсуждение крупных исторических событий значило куда больше, чем все эти ничтожные пустяки: квартира, отопление и прочие бытовые проблемы. Когда они накапливались, он отправлялся в мыслях и словах далеко, на другие континенты:

– Ты, Сенка, без конца говоришь, что нам трудно живется, но подумай о тех, кто живет в Африке, подумай о Патрисе Лумумбе и его бедняках!

– Твой сын уже учится в лицее, разве он не имеет права на свою комнату? Вот что меня интересует, а не жизнь этого Румумбы!

• • • •

В итоге мы все-таки переехали на улицу Каты Говорусич, в дом номер 9 А. Переезд с окраины в центр города, из полуторакомнатной квартиры в квартиру, состоящую из двух с половиной комнат, произошел, когда у Мурата больше не осталось сил слушать вечные упреки Сенки. Он обратился к своему министру Мирко Петриничу, который помог ему получить социальную квартиру большей площади. На решение моего отца о новой квартире повлияло также то, что он любил готовить и приглашать к себе толпы гостей. Теперь он мог готовить им мясо с овощами огромными кастрюлями, а у меня появился свой уголок – та самая половина комнаты. Нам никогда не удалось получить квартиру без этого дополнительного дописка в полкомнаты. Думаю, что эта формулировка появилась благодаря ловкости экономистов Тито. Они называли вещи своими именами. Две с половиной комнаты вместо двух, тогда как по общей площади выходило то же самое, выглядели более привлекательно. Только было невозможно понять, из чего складывалась эта половина комнаты. Так же, как не представлялось возможным увидеть разницу между тремя комнатами и двумя с половиной. Но судя по всему, она все-таки была. Как бы то ни было, я снова унаследовал эту самую половину. Моя комната была отделена от коридора застекленной стеной, похожей на большой дверной проем. Сенка сшила плиссированные шторы, которые больше подошли бы

дворцу, чем квартире из двух с половиной комнат. Она повесила их над проемом из матового стекла, чтобы, как она выразилась, создать мне условия интимной жизни.

– Только посмотри на эти шторы! Они светятся как лампа, правда?

– Да, совсем как лампа!

Я не имел ничего против комнаты или против штор, которые, к слову сказать, смотрелись неуместно в нашей маленькой квартире. Мне смущало слово «лампа». Какая еще лампа? Как можно сравнивать шторы с лампой? Лампа висит на потолке, а шторы свисают вдоль стены! Но я счел нужным промолчать, чтобы не испортить редкие моменты счастья моей матери.

• • • •

Тем не менее эта новая комната не обладала достаточной притягательностью. Отныне чаще, чем обычно, я бегал в Горицу к Паше, Труману, Ньего и Харису. Вместе мы проводили большую часть своего времени у старой бакалеи, поскольку одним из преимуществ улицы Каты Говорусич была ее небольшая удаленность от моего бывшего квартала. Я проходил перед небоскребом, пересекал улицу Дюро Дьяковича, поднимался по улице Ключка и через секунду был уже в Горице.

• • • •

В один прекрасный день Паша переехал в Свракино Село, и вся компания решила перебраться в кафе «Сеталист», которое стало нашей новой штаб-квартирой. Ему тоже было проще приходить на улицу Дюро Дьяковича, где располагалось кафе, чем подниматься к Горице.

Так «Сеталист» стал нашим салуном. Один из нас заказывал кофе, другой – яйцо всмятку. После этого мы могли сидеть в кафе целый день, и официанты не ворчали, что мы ничего не заказываем. Довольно быстро мы подружились с Зораном Биланом, Сладьей, Златаном Мулабдичем и Нокой, которые называли нас индейцами, поскольку мы пришли из Горицы. В итоге «Сеталист» стал хорошим решением. Кафе располагалось прямо под Горицей, там, где начинался город, благодаря чему нам не нужно было пересекать границу между центром и так называемой цыганской трущобой. К тому же близость Второго лица позволяла нам незаметно наблюдать за девочками, словно они были нам безразличны.

• • • •

Наша новая квартира стала великим творением жизни моей матери. Она взяла кредит, заняла немного денег в кассе взаимопомощи на факультете гражданского строительства и купила мебель. Трехместный диван с бархатной обивкой и два гармонирующих с ним кресла, комод для телевизора и стол в столовую: на нем она расстелила кружевную скатерть, которую сшила уже давно. Предел давних тайных мечтаний Сенки.

– Наконец-то! В своем уютном гнездышке! – воскликнула она, когда ее желания воплотились в реальность.

Она прикрыла китайский тканый ковер, самый дорогой предмет обстановки, большим куском прозрачного целлофана, чтобы, как она говорила, не испачкать его.

– Мы садимся, едим, что-нибудь всегда падает на пол. Зачем платить за сухую чистку, когда можно прикрыть его пленкой? Мой Мурат, когда ест, разбрасывает еду повсюду. А уж

когда готовит, это настоящая катастрофа, даже балкон оказывается замызганным, такой он неаккуратный, – рассказывала она своим новым соседкам, когда они вместе пили кофе.

Я назвал это изобретение Сенки «борьбой с быстрым и неумолимым разрушением дорогих ее сердцу вещей».

В день переезда нас ждал другой сюрприз от Сенки. Предчувствуя, что ее мечты о «человеческих условиях проживания» все же сбудутся, мать уже больше года вышивала большой гобелен фирмы «Villeroy». Поэтому первое, что мы сделали, вселившись в квартиру, это повесили большой тяжелый гобелен, вышитый мелкими стежками, на котором был изображен фиакр, удаляющийся по лесной дороге.

– Посмотри, Эмир, вот тропа жизни, указывающая путь. А в этом фиакре сидим мы, путешествуя по жизни, и кто знает, куда нас выведет эта тропа. Настоящий символизм! – сказал мне отец, прежде чем добавить в адрес матери: – Сенка, снимаю шляпу, ты создала прекрасное произведение.

Мелодраматичный тон моего отца, подобно гобелену моей матери, свидетельствовал о романтической жилке Мурата, которую он так старательно скрывал от наших глаз.

• • • •

В 1969 году дом моего деда на улице Мустафы Голубича был продан. Некоторое время спустя его снесли, чтобы расширить Дом культуры полиции. Так навсегда исчезла обветшавшая вилла барона, замок, в котором разворачивались важные события моего детства. Все, что было связано с жилищем семьи Нуманкадичей, отныне стало неотъемлемой частью нашей памяти, и наши души навсегда остались пропитаны ее благородной атмосферой.

После сноса семейного гнезда первые эпизоды моей жизни начали забываться, в то время как новые уже давали о себе знать.

• • • •

Деньги от продажи дома были поделены на четыре равные части: двум сестрам, брату и моим бабушке с дедушкой. На эту сумму они купили себе квартиры в квартале Храсни. Хуже всех перенес переезд дедушка. Не склонный к суете, угнетенный всеми этими хлопотами, он отказывался ходить.

– Эдо, отвези меня в Горний Вакуф, я хочу умереть там, где родился! – сказал он моему кузену Эдо.

Пытаясь поднять ему настроение, Эдо обернул все в шутку:

– Не умирай, пока я не получу свой диплом. Тебе сначала придется отправить меня в Париж, чтобы я увидел Мону Лизу, а потом подождать еще десяток лет, только тогда мы сможем с тобой расстаться.

– Что касается Парижа, я отложил деньги, можешь ехать хоть завтра, если хочешь. А с учебой ты должен немного поторопиться. Если будешь продолжать в том же духе, мне придется послать Создателю наверх новую просьбу об отсрочке. И если Он смирится, у меня будет надежда, что я доживу до получения твоего диплома.

Дедушка был счастлив, что деньги от продажи дома пойдут на благое дело. Его дочь сделала то же самое: Сенка открыла валютный счет в «Привредна банка» и положила на него свою долю наследства.

– Кто знает, что нам может понадобиться! Эмир растет. И если, дай бог, наш мальчик остепенится и будет хорошо учиться в школе, мы отправим его в лучшее учебное заведение!

МЫШЬ ДЕЛАЕТ КРУГ ПОЧЕТА

В 1972 году режиссер приключенческих фильмов Хайрудин Сиба Крвавац открыл мне дверь в национальный кинематограф. Впервые мое имя появилось в титрах югославского фильма благодаря этим словам: «Нам повезло, там всего один часовой, мы всех их взорвем!» Это была моя единственная реплика в фильме «Вальтер защищает Сараево», благодаря которому о Крваваце узнали даже в перенаселенном Китае. Едва я успевал произнести эту фразу, как наступала моя первая кинематографическая смерть. На полном ходу я наткнулся на отряд немецких солдат, которые скашивали меня автоматной очередью. Падая, я издавал последний крик: «Ааааа...» В наших рядах был шпион, который передал немцам информацию о планируемой акции по уничтожению вражеского отряда.

Моя актерская роль не имела никакого отношения к истинному интересу, который я питал к кинематографическому искусству. Родители не очень понимали, что со мной делать, и тогда Сиба Крвавац, из педагогических соображений, предложил мне эту небольшую роль в своем фильме.

• • • •

В четверг 4 ноября 1971 года, ровно в 18 часов 15 минут, когда моя мать Сенка пришла в Пятый лицей Сараева, она никак не ожидала услышать то, что ей скажут на родительском собрании. После десяти лет школьного обучения моя мать столкнулась с отзывом, достойным ученика начальных классов. Классный руководитель решил вводить ее в курс дела постепенно, рассказывая о новом этапе в моей школьной жизни. Не зная, с чего лучше начать – с единиц или с прогулов, он выбрал второе. Поскольку родителям обычно проще смириться с непоседливостью ребенка, чем с его глупостью.

– Его ничего не интересует в школе, он целыми днями играет в баскетбол в *FIS*²⁵. А мы лишь любуемся на него из окна. Никакая сила в мире не может заставить Эмира вернуться в класс после большой перемены.

Классный руководитель также был учителем физкультуры и не скрывал своей симпатии ко мне. Когда он выходил из кабинета вместе с Сенкой, то тихо сказал ей:

– Сенка, попробуйте придумать хорошее обоснование его прогулам, у него их накопилось тридцать девять за семестр!

• • • •

В баскетболе я мечтал превзойти своего сараевского кумира Даворина Поповича, Пимпека. Со скоростью молнии он проводил мяч между ногами противников, пресекал их маневры, совершал великолепные пасы из-за спины в два шага. Ему удавалось быть лучшим, несмотря на свой маленький рост, из-за которого он был похож на малыша среди гигантов. Он играл почти так же хорошо, как негры из Гарлема. Во время тайм-аута он закуривал сигарету. У Паши, который был самым сильным из нас – а это означало, что и самым умным, – имелось собственное толкование поведения Пимпека.

– Вот так и надо, братцы: он это делает, чтобы набрать в легкие воздуха. Это все равно как давить на газ в машине: давление выталкивает дым из выхлопной трубы. Я тоже так

²⁵ Спортивный центр в Сараеве.

делаю: глубоко затягиваюсь, до самого паха, и выпускаю дым обратно. Знаешь, какие при этом ощущения?

Когда я ответил: «Понятия не имею», он решил, что я над ним насмехаюсь, и помчался за мной на запасное поле. Чаще всего в таких ситуациях мы напоминали молодых медведей, которые оттачивают свои когти и борются, чтобы размять мышцы. Даже если удары были жестокими, мы все равно продолжали улыбаться.

• • • •

Когда по случаю 8 Марта Пимпек выступал с группой «Index» в зале FIS, я стоял в первом ряду и вместе с ним пел свою любимую песню «Кем-то стать в этой жизни». Слова полностью соответствовали моим ощущениям. Я сам хотел стать в этой жизни *Кем-то*. Я восхищался героем сараевских улиц и искренне ему завидовал: он играет в баскетбол, пьет, курит в свое удовольствие посреди матча и поет в группе, похожей на «Битлз»! А самое главное, он не обязан ходить в школу! Чтобы максимально точно походить на свой идеал, я изменил свою манеру говорить, стараясь подражать хриплому голосу своего кумира. Вечерами, когда меня никто не видел, я подносил ко рту невидимый микрофон и пел перед зеркалом: «Я протягиваю к тебе руки». Однажды меня услышал один цыган, когда я стоял перед старой бакалеей Горицы, и не одобрил ни голос, ни исполнение.

– Если ты решишь зарабатывать себе на жизнь пением, будешь жить впроголодь, – сказал он мне.

Этот вердикт меня расстроил, но я тут же нашел другой выход. Я и без него понимал, что меня ждет вовсе не карьера певца. Я дошел до этого сам, прислушиваясь к себе. Тем не менее замечание цыгана радикально повлияло на мое решение полностью посвятить себя баскетболу.

• • • •

В том же году была одержана самая важная победа команды «Молодая Босния» – над белградской «Красной звездой» на чемпионате Югославии. Весь FIS скандировал прозвище Даворина: «Пимпек, Пимпек, Пимпек!» Мы с Пашей, Ньего и Бели сидели в первом ряду трибуны, под платанами. На этот раз вновь самый умный из нас ощутил потребность высказаться:

– Знаешь, что означает «Пимпек»?

– Нет.

– Однажды, когда Осмо дремал в зале ожидания на вокзале Загреба, к нему подошла проститутка и спросила: «Не хочешь выгулять свой пимпек?»

– Врешь.

– Клянусь своим покойным отцом! В Загребе они называют пимпекком то, что находится внизу.

– К Давору это не имеет никакого отношения. У него небольшой нарост на мочке уха, это называют пимпекком. Мне мой старик рассказал.

Я защищал своего героя сараевских улиц. По правде говоря, словарный состав Загреба и Сараева действительно различался. Хорваты всегда придерживались собственного диалекта. «Пимпек» в Загребе и «куна» в Сараеве. Эта небольшая языковая гимнастика плавно перевела мои мысли от баскетбола к гандболу. Пока Давор сбивал с толку игроков «Красной звезды», ловко ведя мяч и забивая его в корзину, я принялся размышлять о гандболе. Из-за слова «пимпек».

Нашим самым известным гандболистом был Мемнун Идякович. Все называли его Куна. Это означало, что, если бы он жил в Загребе, его звали бы Пимпек. Не знаю, чем он заслужил это прозвище, но мне был известен его мощный бросок. Я любил присутствовать на соревнованиях по гандболу прежде всего из-за представления, которое устраивала публика. Игра Идяковича двояко вдохновляла болельщиков команды «Молодая Босния». Их ободряющие лозунги выкрикивались в два такта: сначала они скандировали «Куна босс», затем, во второй раз, кричали «Куна». Начало самого спокойного матча происходило под крики «Куна босс». Но когда требовалось, чтобы Идякович оторвал голову вратарю команды противников, они активировали свое секретное оружие. «Целься ему в морду!» – вопил Паша. А я задавался вопросом, что подумал бы непосвященный, которому известно значение слова «куна», когда восемьсот человек орут хором: «Куна, Куна!» Думаю, мало найдется в мире мест, где вот так открыто люди скандируют хором название мужского полового органа. На самом деле речь шла о закодированном сообщении, о молчаливой договоренности между болельщиками и игроком. Слыша его, Идякович целился в голову вратаря противника. И в случае, если промахивался, снова повторял свой маневр. Как только цель была достигнута, публика моментально успокаивалась и больше не настаивала на мужском достоинстве Идяковича. Болельщики вновь начинали скандировать: «Куна босс!»

• • •

Даворин Попович, Пимпек, быстро положил конец своей карьере баскетболиста. Не было ни слез расставания, ни прощального ужина. Ему просто захотелось вести более спокойный образ жизни. Поэтому он перестал играть в баскетбол. Однажды вечером, когда он сидел за картами в своем недавно открытом ресторане «Кварнер», к нему примчался его друг Хайро:

- Даворин, ты в своем уме? Матч уже начался, а ты здесь в карты играешь?!
- Я в своем уме, – ответил Пимпек. – Садись выпей со мной.
- Некогда распивать, бежим на матч, я принес твои вещи.
- Начиная с сегодняшнего вечера певец больше не играет в баскетбол.

И действительно, с этого дня Даворин забросил баскетбол и все вечера проводил в «Кварнере», играя в карты. Этот новый ресторан появился на месте прежнего бистро «Требевиц», откуда в стельку пьяный Алия-тряпка, он же Кларк Гейбл, отправился в мир иной. Играя в карты, Даворин выполнял четыре дела одновременно. Он сидел, пил вино, разбавленное сельтерской водой, играл в карты и получал прибыль от своего заведения. Он дружил с моим отцом, и они частенько засиживались вместе до утра. Поэтому мы были приглашены на торжественное открытие его ресторана. Здесь собралось много известных персон. Речь произнес товарищ Любо Койо, мэр Сараева. При социализме было не принято поощрять частную собственность, но Даворин являлся исключением.

– Даворин, главное, чтобы твое дело преуспевало! Неважно, что говорят вокруг. Успехов твоему заведению! Только следи за тем, чтобы усташы и прочие враги нашей системы и товарища Тито не собирались у тебя в ресторане.

Аплодисменты! Товарищ Койо не упомянул о четниках²⁶, хотя обычай требовал называть их тоже. Койо уже был знаменитостью и живой легендой Сараева. Однажды ему пришлось общаться с представителем австрийской фирмы, реализующей крупный строительный проект в Сараеве, и он был вынужден как-то выкручиваться, так как не знал ни одного иностранного языка. Поскольку поблизости не оказалось ни одного переводчика, он сам ответил на телефонный звонок из Вены:

²⁶ Сербское монархистское движение, которое Тито обвинил в сотрудничестве с врагом.

– Это Любо Койо, Сараево, Гаврило Принцип, бум-бум-бум!

• • • •

После ухода Даворина Поповича из баскетбола на его небосклоне возшла новая звезда. Это был Ранко Вукович Златни, парень моей кухни Дуни Нуманкадич. Что касается меня, то я вернулся к футболу, своей первой спортивной любви. Мой школьный приятель Маца Малюканович привел меня в футбольный клуб «Босна», входивший в районную лигу. После первой тренировки я провел в постели два дня с сильнейшим растяжением. Отныне футбол стал моим новым наваждением. Я проигрывал во сне различные ситуации матча, постоянно прокручивая их в голове. Надо сказать, что эти встречи на щебневом поле «Косево» были настоящим зрелищем. Все, что было запрещено на главном стадионе, где играла команда «Сараево», здесь было разрешено. Районные турниры собирали не только пьянчужек и мелких местных тузов, но и взыскательных интеллектуалов, которые отказывались посещать матчи премьер-лиги, утверждая, что на них все подтасовано. Здесь же зрители горланили, ругались, пели, а также наслаждались сливовой водкой и барбекю. Порой интереснее было наблюдать за публикой, чем за игрой. В этой лиге играть на поле противника было небезопасно. Самыми тяжелыми для меня были матчи против команды «Романия» из Пале.

Первый раз, когда автобус ФК «Босна» подъехал к стадиону ФК «Романия», я едва поверил своим глазам. Поле имело явный наклон с южной стороны, а когда мы вышли из автобуса и направились к раздевалке, небольшая группа палевских болельщиков принялась жестикулировать и оскорблять нас:

– Эй, уроды, не приближайтесь к нашим воротам, если не хотите стать фаршем для котлет!

Не собираясь спускать им это с рук, я остановился. Маца тут же схватил меня за куртку и потянул к раздевалке:

– Куста, здесь не играют в героев, это опасно!

Я знал, что ребята из «Романии» – не наивные дети, но всегда с трудом выносил подобные ситуации.

«Заткни уши и закрой рот» – таково было негласное правило.

Матч начался с десятого номера, который красовался у меня на спине.

– Десятый, готовь свою задницу! Десятый, мы отымеем твою сестру по очереди! – раздались крики.

Задача игрока под номером два состояла в том, чтобы меня блокировать. У этого типа были ноги, подтверждавшие тот факт, что орды Чингисхана все-таки добрались до Балканского полуострова. Кривые, но толстые, они больше напоминали стволы деревьев, чем человеческие ноги. Гибкие, как у гимнаста Мирослава Церара, вертевшегося на своем коне, они очерчивали большой круг, закрывая мне обзор. Лицо защитника постоянно озаряла улыбка монгольского всадника. Как только мяч летел ко мне, он его останавливал. Если я подбирался к мячу и начинал его вести, он неизменно оказывался в ногах моего противника. Болельщики продолжали настаивать на сестре десятого номера. Несмотря на то что у меня не было сестры, это оскорбление выводило меня из себя.

– Десятый, мы отымели твою сестру! Теперь твоя очередь!

• • • •

Лишь на сороковой минуте первого тайма я понял, как можно решить эту проблему. Это не имело никакого отношения к теории футбола. Решение основывалось на законах улицы. Я воспользовался криками болельщиков о моей гипотетической сестре, чтобы изме-

нить ход матча в нашу пользу. Когда я поведал своему «стражу», правому защитнику, о тяжелых условиях своей жизни, он не остался равнодушным к моей грустной судьбе. Это чем-то напоминало народные песенки на сентиментальную тему братьев и сестер. Утверждают, что в нашей поэзии, как и в реальной жизни, это были единственные отношения, в которых никогда не случалось убийств. Сестра не убьет брата. Брат не убьет сестру.

– Мы с сестрой остались одни. Отец с матерью погибли в автокатастрофе. Просто дай мне подойти на шестнадцать метров, и если мне удастся забить гол, я получу гонорар, на который мы с сестрой сможем жить. Я никогда этого не забуду, дружище, я тебя отблагодарю.

Он смотрел на меня разинув рот. Минуту спустя он зарычал от злости, но было уже поздно. Развернувшись, я перехватил мяч на средней высоте и остановил его грудью. Я прибавил скорости и послал мяч за спину вратаря, который отчаянно пытался парировать мой удар.

• • • •

На этом стадионе исход матча никогда не определялся в первом тайме. Выигрывала та команда, которой во втором тайме выпадала удача играть на покатой части поля. Ни один арбитр не осмеливался предоставить эту выгодную позицию команде гостей. В итоге мы проиграли матч со счетом 2:1.

• • • •

Лишь поездка в Войковичи представляла собой более рискованное приключение, чем встреча с палевцами. Там все защитники местной команды носили с собой иголки, зашитые в рукава футболок. Как только ты переходил на их половину поля, они набрасывались на тебя и кололи своими иголками. И ты отскакивал от мяча и ворот противника, как от ядовитой змеи. Если ты жаловался судье, тот испуганно смотрел на тебя круглыми глазами, тогда как защитники с невинным видом задирали рукава своих футболок и показывали их арбитру: жены игроков искусно пришили им двойные манжеты.

• • • •

В этой лиге никто не получал наград. Мы играли исключительно за вкусный обед. Победы отмечались в кафе «У Пирии» пиршествами, состоявшими из двух блюд: ягненка и молодого лука. Хлеб предлагался в любых количествах дирекцией ФК «Босна». Пирия открыл свой ресторан напротив запасного поля, чтобы можно было одновременно есть и смотреть матч. В рядовые дни Пирия знал, как развлечь своих клиентов, а заодно увеличить прибыль. Он принимался рассказывать, как люди, ничего не смыслящие в футболе, считают, что могут забить мяч в ворота с середины поля.

– Что? С середины поля и без вратаря? Да если хочешь, я прямо сейчас забью пять голов из пяти попыток! – поддавался клиент на провокацию.

Пирия изо всех сил убеждал его в обратном. И когда новоиспеченный футболист заявлял, что желает доказать свои способности, Пирия спокойно отвечал:

– Выкладывай тысячу динар, я ставлю две тысячи, что ты не забьешь ни одного гола! Самир, малыш, сходи за мячом!

Возбужденный клиент уже мчался с мячом к центру поля. Пять раз он бил по мячу, и пять раз мяч не достигал даже штрафной площадки.

– Если бы футбол был таким простым занятием, в него играла бы моя бабушка! – подводил итог Пирия. И тут же заключал пари с другим клиентом, который тоже хотел попытаться счастья, в то время как первый не мог понять, как игроки по телевизору с такой легкостью бросают мяч.

А Пирия подливал масла в огонь:

– Я знаю, что тебя беспокоит, дружище: тебе не дает покоя вопрос, как профессионалы делают то, чего не можешь ты, мое солнце? А ответ очень прост: они тренируются и оттачивают свой удар годами, тогда как ты всего пару раз за всю жизнь побывал на настоящем поле!

– Ладно, попробую еще разок, даже если мне придется оставить здесь зарплату! – настаивал клиент.

– Клади сюда купюру, дружище, я ставлю две!

• • • •

Мой дедушка часто говорил, что март – несчастливый месяц, и именно в марте он умер. Это случилось 9 марта 1972 года. Внезапно. Как принято говорить, его хватил удар. Смерть унесла его ночью. Он не страдал, и это самое главное. Покинув нас, дедушка нарушил предполагаемый порядок смертей в семье Нуманкадичей. Его жена, наша бабушка, давно болела, и мы думали, что она уйдет первой. Но судьба распорядилась так, что дедушка умер раньше нашей Матери.

• • • •

Жизнь Хакии Нуманкадича потеряла смысл гораздо раньше, с тех пор как продажа семейного дома по улице Мустафы Голубича положила конец его ежедневным прогулкам: дом, Баскарсия, возвращение домой. Он спускался по улице Далматинска к базарной площади, а возвращался через большой парк, мимо лавок с хиппи. Он ходил, как он сам утверждал, чтобы заставлять работать свое сердце. Поскольку его внуки выросли, в большом парке он продолжал угощать незнакомых ребятишек сливами, а иногда – и каплей рома. Он доставал из карманов игрушки, приводившие в восторг ребятню. Теперь же, переехав в квартал Храсни, он целыми днями сидел дома и вспоминал те дни, когда его семья жила вся вместе.

Дедушка заботился обо всех членах семьи. Все любили его и охотно обращались к нему за поддержкой. Он всегда защищал своих детей и внуков, словно маленьких медвежат. Особенно своего сына Акифа Нуманкадича, представителя фирмы «*Philips*» в Боснии и Герцеговине, личного друга королевы Голландии. Но в последнее время нашему дедушке оставалось лишь ворчать в своей берлоге, как он называл свою маленькую квартиру в доме номер 45 на улице Браче Рибара.

Его смерть больше всего огорчила мою мать. Дедушка умер с обидой на Сенку. Накануне его смерти она выбросила на помойку его калоши. Потому что не могла больше смотреть, как ее отец ходит в обуви двадцатилетней давности, износившейся в прогулках между Белавой и Баскарсией. А ему как раз нравилось, что калоши были разношенными. Они стали такими широкими, что он мог свободно надевать их на свои ботинки.

Потрясенная этой ссорой и внезапным уходом своего отца, Сенка растерянно стояла на кухне, держа в руках пару новых калош. Она протягивала руки вперед, к иному миру, словно хотела помириться со своим покойным отцом. На самом деле дедушка умер гораздо раньше. Его сердце так и не смогло покинуть дом барона в Белаве, а того, что осталось от этого сердца в его груди, было недостаточно, чтобы заставить его жить и ухаживать за больной женой.

• • • •

После смерти бабушки мой отец продемонстрировал, что мужчина с Балкан может быть предупредительным. Когда я поделился с Сенкой своим удивлением по поводу внимания, которое он начал ей уделять, она ответила:

– Ты не знал его отца. Он был готов все сделать для своей жены. Об этом знали все вокруг. Попроси она птичьего молока, и он его отыскал бы.

Мой отец, который не мог полностью отказаться от своего белого вина, разбавленного сельтерской водой, не уходил из дому так часто, как раньше. Для моей матери это стало самым большим утешением. К нам в гости приходили его друзья. А я больше не имел права ходить в *FIS*. Мне вообще запретили играть в футбол.

– Пока не исправишь свои единицы, никуда не пойдешь, и больше никакого бесконтрольного спорта, – заявил мой отец.

Он потребовал от матери, чтобы она отвела меня на легкую атлетику, поскольку «лишь король спорта может способствовать гармоничному развитию молодежи». Таким образом отец убивал двух зайцев: душевная рана Сенки заживала быстрее, поскольку мы проводили вместе больше времени, а я многому учился у именитых гостей, которые приходили к нам в дом.

• • • •

У меня не было ни малейшего желания заниматься легкой атлетикой, но никто не спрашивал моего мнения. Это был самый плохой период моей спортивной карьеры. Полуразвалившийся дом рядом со стадионом «Косево» служил одновременно сторожкой, раздевалкой и офисом клуба «АК Босна». И все это на тридцати квадратных метрах. Каждый раз, переодеваясь в раздевалке, я не сводил глаз с потолка. Он находился под наклоном и удерживался тонкой балкой, и мне казалось, что он вот-вот рухнет мне на голову. Так называемый сторож выполнял также роль тренера. Во время тренировок он постоянно донимал меня, требуя, чтобы я поднимал выше колени:

– Ноги вверх, ноги вверх!

Его жена, прикладывая их ребенка к груди, время от времени выглядывала в окно, чтобы проверить, кого это ее муж с такой страстью просит поднять ноги вверх. Заметив меня, она понимала, что ее браку ничто не угрожает. Тренер настаивал, чтобы я поднимал выше колени, потому что думал, что я смогу стать хорошим бегуном на двести метров с барьером. Я тренировался в спринтерских шиповках, которые были велики мне на два размера. На самом деле я делил эти шиповки с офицером *JNA* в отставке и еще двумя студентами физического института. Мы были единственными членами этого легкоатлетического клуба. Я скоординировал расписание своих тренировок со школьными уроками и был счастлив, когда мне удавалось оставлять у себя шиповки на время всей тренировки.

• • • •

Однажды я прибыл на беговую дорожку чуть раньше, поскольку мой последний урок в школе отменили. Я решил раз и навсегда уладить проблему с обувью:

– Можно найти для меня шиповки поменьше, необязательно новые, просто на два размера меньше? Мне трудно в этих бегать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.